

ВАСИЛИЙ ВОРОНКОВ

СОВЕРШЕННЫЙ
ИЗЪЯН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Владимирович Воронков

Совершенный изъян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63908763

SelfPub; 2026

Аннотация

Климатическая катастрофа, температура ранней осенью опускается ниже -30. У многих есть шунт, «червяк в голове» – биоэлектронное устройство, открывающее доступ к дополненной реальности и новым возможностям человеческого тела. Пётр, работающий в патруле, находит в заброшенной части города труп замёрзшей девушки с шунтом. Труп внезапно оживает, встаёт на ноги – так, словно им управляет что-то потустороннее. У погибшей девушки есть кристалл – особая карта памяти, на которую записан «призрак», её виртуальное альтер эго. Пётр невольно втягивается в пугающее расследование. А температура воздуха с каждым днём падает всё ниже. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1	4
2	18
3	30
4	40
5	47
6	60
7	67
8	74
9	77
10	84
11	91
12	93
13	106
14	109
15	117
16	120
17	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Василий Воронков

Совершенный изъян

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Пётр распахнул дверь фургона, стал выбираться из скрипящего сидения и чуть не упал в снежную грязь. Чертыхнулся, ухватившись за дверную ручку. Устоял. На секунду всё перед глазами подёрнула густая рябь – как аналоговые помехи на старом экране.

Вик сидел на карачках рядом с трупом.

– Весёлая у нас, блядь, ночка! – проворчал он. – Уже третий! Прямо голубиный мор какой-то!

Света на улице почти не было, не считая тусклых фар служебного фургона и яркого фонаря над загаженным подъездом неподалёку. Фонарь, однако, слепил, а не освещал, и всё вокруг казалось чёрным – даже снег, несущийся в воздухе.

– Хоть бы премию за урожай платили! – вздохнул Вик.

Он выругался – смачно, с наслаждением, словно это было непременной частью приёма, – сплюнул на асфальт и вытащил из старой засаленной куртки медицинский браслет.

Пётр хотел закурить, но вспомнил, что оставил пачку в фургоне. Он оглянулся, как бы проверяя, что всё осталось на своих местах – фургон, стоящий у обочины с работающим мотором (одна фара светит тускло и косо, как подбитый глаз), перекошенный фонарный столб, остатки раскуроченного паркомата.

Голова у Петра раскалывалась от боли. Даже блеклый свет буравил виски. Он стоял спиной к подъезду, выбрав из двух зол – фар и газового фонаря – меньшее, но свет всё равно прожигал его насквозь, как рентгеновское излучение.

Вик тем временем прилаживал на запястье браслет. Петру на секунду почудилось, что вместо лица у покойника ровное белое полотно – пустая заготовка, из которой забыли вылепить черты. Он прикрылся ладонью от света фар.

Молодая девушка.

– Красивая! – Вик убрал с мёртвого лица прядь светлых волос. – Красивая, дурёха!

Пётр склонился над лежащим телом и вдруг понял, что снег действительно чёрный.

Он кашлянул, прижал руку к груди. Даже сквозь плотную одежду чувствовалось, как судорожно и неровно колотит сердце. Да ещё головная боль. Бутылка, выпитая с Виком для согрева, не пошла на пользу. К тому же от холода всё равно ломило кости.

– Трупного покамест нет, – сказал Вик.

Браслет, криво прилаженный к запястью, вздрагивал и

угрожающе гудел, точно наручная бомба с часовым заводом.

– Прямо живая, – сказал Пётр.

Девушка – лет двадцати на вид – и правда была красива. Лицо – белое и симметричное, как у призраков. Глаза – закрыты, словно она зажмурилась, чтобы загадать желание.

– Скажешь тоже – живая! – фыркнул Вик. – Я много трупяков на этой работе повидал! Живые так не выглядят!

– Да не о том я!

Пётр рассматривал покойницу. Худенькая, даже тощая, будто питалась одними таблетками и витаминной смесью. Короткое пальто немногим ниже колен. Тёмный свитер с высоким горлом.

– Не похожа она на бездомную, – сказал Пётр.

– Похожа, не похожа. Какая нам-то разница?

– И чего её сюда занесло?

– Да хуй его... – Вик поёжился от холода. – Не бывает здесь никого, кроме бомжей. Раз тут нашли – значит, бомжиха.

– Просто как всё у тебя! – хмыкнул Пётр.

– А на хера усложнять?

– А если её...

Пётр осмотрелся. Свет над подъездом ударил ему в глаза. Он закашлялся – сердце не отпускало.

– Чего с этой твоей машинкой?

Браслет на запястье мёртвой девушки ходил ходуном, скрипя и подвывая.

– Жетончик не может сделать по ходу. Вот же блядская шарманка!

– И чего?

– Да чего, чего... – Вик потёр заросший подбородок. – Кажись, запасной должен быть.

– Кажись...

Пётр присел рядом с телом, выключил браслет и стянул его с запястья. Массивный пластиковый корпус раскалился так, что едва не обжигал. Пётр сжал его в руках, чувствуя, как в пальцах восстанавливается кровообращение.

– Давай!

Вик отобрал у него браслет и заковывлял к машине. На секунду он попал в луч прожекторного фонаря над подъездом, и его тучную неповоротливую фигуру охватил бледный ореол, как у призрака.

Снегопад усилился. Тёмный снег оседал на тело девушки, как пепел. Пётр невольно отряхнул рукав её пальто и провёл пальцами по ткани. Отвернул подол. Вся подкладка была усеяна тонкими серебристыми прожилками.

– Лови! – крикнул объявившийся из темноты Вик и швырнул в лицо Петру браслет.

Тот насилу поймал.

– Чуть глаз не вышиб!

– Не вышиб же!

Препираться, даже в шутку, не было сил. Пётр нацепил браслет девушке на запястье и щёлкнул включателем.

– Во будет тема, если и запаска вконец накрылась! – заявил Вик.

– У неё термопальто, – сказал Пётр.

– Чё?

– Термопальто. Часто видел таких бездомных?

– Может, она это... – Вик почесал затылок. – Да хуй её знает! Украла эту херовину у кого! Мало ли чё!

Браслет замолк и выплюнул на асфальт чёрный жетон. Пётр подобрал жетон, поднял на свет, но всё равно не смог ничего разглядеть.

– Всё! – гаркнул Вик. – Можем грузить!

– Не похожа она на бездомную. – Пётр спрятал в карман жетон и аккуратно снял с запястья девушки браслет – так, точно боялся её разбудить. – И как она могла замёрзнуть, если у неё термопальто?

– Чё ты бурчишь там? – Вик уже раскладывал пластиковый мешок. – Давай, а то я здесь околею к херам!

– Погоди.

Покойная будто спала, разлѣгшись на промѣрзлом асфальте. Ветер взъерошил волосы у неё на голове.

– Чего-то здесь не так, – нахмурился Пётр.

– Не так ему чё-то! – разозлился Вик. – Чё, блядь, не так-то? Мало ли, откуда у неё пальтишко это! Может, там и не работает уже ни хера!

Но он всё-таки оставил в покое мешок.

Пётр осматривал тело. Чёрный снег падал на синие губы

девушки, на её опущенные веки.

– Опять небось перебои будут, – сказал Вик каким-то будничным голосом, словно и не было рядом тела бездомной в термопальто.

– Ты про снег?

– Ага. Они ж там это, на пределе возможностей уже.

Опять эти ху...

– У неё шунт! – Пётр показал на маленькую татуировку в виде иероглифа на шее.

– Да ну! – Вик недоверчиво качнул головой. – Чё за чушь? Татуху, небось, сделала и всё. Какой ещё шунт! Да и шунт – режим паники бы сработал. Хотя...

– Татушку сделала, – кивнул Пётр, – термопальто укра-ла. Замёрзла до смерти при этом. И выглядит, как типичная бомжиха, конечно же. У тебя всё просто, да?

– Ладно! Я и не говорил, что она замёрзла. Мне-то по хуй на самом деле. Замёрзла, не замёрзла. Особенно, когда третий приём. А ты смотришь, так смотри. Если у неё действительно шунт, то я...

Пётр перевернул тело.

– Интересно, – Вик сощурился, уставившись на газовой фонарь над подъездом, – а живёт кто в этой халупе? Тут же вроде пустые районы. Но кто фонарь тогда повесил?

– Наверное, бомжи в дорогой одежде.

– Да отъебись ты! Мы ещё парочку таких тут найдём, зуб даю! Просто фонарь этот... Если б не он, я бы и не заметил

её ни хуя.

– Смотри! – Пётр раздвинул волосы девушки на затылке. – Удар. Тупым предметом, судя по всему.

– Ага. – Вик присел рядом. – Ударилась, когда упала, может? Или вlepил кто. Не похоже, чтобы она очкурилась от этого.

– А ты чего, медик у нас?

– Слушь, хорош, а! Люди, когда падают, обычно стучаются. Положим, шунт у неё. И чё? И пальта эта дорогая. Тупая дура, мать её блядь, из дома сбежала, накраситься забыла, мозгов нет, пальта поломалась, пока она тут наплясывала. Шунт ей, небось, райские кущи вокруг нарисовал. А тут, – Вик окинул взглядом плотно обступающую их темноту, – один большой засранный сортир.

– Надо группу вызывать.

– И ждать их два часа? А то и все четыре! И они приедут, блядь, бухие и злые, как черти. Думаешь, тебя по головке за это погладят? Давай в мешок её и пойдём! – Вик нахохлился и засунул кисти под мышки. – Я тут околею скоро. Да ты и сам бледный, как смерть. Чёрная метка есть? Есть. Значит, всё.

– Ладно, хер с тобой.

Пётр потёр лицо. Мёртвая девушка лежала ничком на асфальте, руки заломлены за спину так, словно он собирался её арестовать.

– Ждать тут и правда...

В этот момент пальцы девушки дрогнули.

– Чего за... – Пётр уставился на Вика. – Ты видел?

– Шунт же у неё! Мало ли, чё этот червяк в мозгах сейчас делает!

– Она ж окоченела почти!

Пётр перевернул девушку на спину. Плечи её внезапно сжались. Она издала страшный шипящий звук – видимо, застоявшийся в лёгких воздух резко, как на выдохе, вышел, – мотнула головой и затряслась, разбивая голову об асфальт.

– Чего за херня! – крикнул Пётр.

– Держи её, держи!

Вик попытался схватить девушку за ноги, но та неожиданно проворно лягнула его сапогом в грудь. Он испуганно захрипел, отшатнулся и, не рассчитав шаг, грохнулся на асфальт.

– Твою мать! – простонал он.

Покойница забилась в конвульсиях. Она будто хотела избавиться от чего-то, исторгнуть из себя инородное тело, которое разрывало её изнутри.

– Вот же пиздец! – прошептал Пётр.

Сердце у него молотило так, что он едва мог вдохнуть.

Вик сидел на асфальте, нелепо расставив ноги, и таращился на бьющийся в посмертной агонии труп.

– Палка, – наконец выдавил он из себя.

– Чего?

– Палка, – повторил Вик. – Я сейчас принесу, – но так и

не сдвинулся с места.

Мёртвая девушка затихла на секунду и встала на четвереньки, упираясь в асфальт локтями и неестественно отставив в стороны вывернутые, словно сломанные кисти.

– Да чего она... – пробормотал Пётр.

Голова девушки резко вывернулась, как у птицы. Глаза её по-прежнему были закрыты – она смотрела на Петра сквозь опущенные веки.

Вик поднялся и молча попятился к фургону.

– Ты куда? – прохрипел Пётр.

– Палка. Я за палкой.

– Какой ещё на хер палкой?

Вик не ответил и припустил по асфальту, размахивая руками.

Мёртвая девушка начала вставать.

Все её движения были резкими и оборванными. Её повело назад, и она чуть не завалилась на спину, но удержалась, наклонив голову, уткнувшись подбородком в грудь. Затем распрямила длинные, тонкие, состоящие из одних костей руки. Пётр следил за ней, затаив дыхание. Казалось, нечто невидимое помогло ей подняться – схватило за сухие запястья и дёрнуло вверх одним стремительным нечеловеческим рывком. Что-то вывалилось у неё из пальто и со звоном ударилось об асфальт, тут же затерявшись в складках темноты.

Теперь мёртвая девушка стояла рядом с Петром, ссутулив плечи, свесив вдоль туловища руки. Ветер шевелил её вы-

цветшие волосы, на которые оседала тёмная снежная пыль. Из-за прожекторного фонаря над подъездом кончики волос поблёскивали, как оптоволокно. Петру почудилось, что она начала дышать – медленно, мерно, как механизм, закачивающий в окоченевшие лёгкие воздух, – но иллюзия быстро развеялась. Перед ним стояло мёртвое, насквозь промёрзшее тело, только глаза теперь были открыты и неподвижно смотрели куда-то вдаль, в темноту.

– Чё расселся! – проревел Вик.

Он сжимал в руках длинную чёрную палку.

Пётр заморгал и качнул головой.

– Сейчас...

Вик подчёркнуто медленно, выверяя каждый шаг, приближался к мёртвой девушке со спины, точно боялся, что она его услышит. Он выставил перед собой палку, целясь ей в затылок.

– Чего это? – прошептал Пётр.

Набегающий порывами ветер приносил пропитавшийся копотью снег из темноты, и казалось, что вокруг мёртвой девушки кружится на искусственном свете невесомый пепел.

– Отойди! – рявкнул Вик.

Пётр отступил.

Вик сдвинул рукоятку палки и, шумно выдохнув, ткнул девушку в затылок. Она вскинула руки со скрюченными пальцами и упала на колени. Из глаз её брызнула кровь.

– Боже... – прошептал Пётр.

Кровь, густая, почти чёрная стекала у неё по щекам.

– Так... – Вик покрутил шайбу на рукоятке. – Слабовато.

Надо ещё разок, – но не шевелился.

Девушка неожиданно плавно описала рукой в воздухе спираль – сотворила заклинание в лицо темноте, – застыла на секунду и резко вытянулась, поймав на лету снежинку.

– Да чего она делает? – проговорил Пётр. – Ты уверен, что она...

Вик снова ткнул девушку палкой в затылок. Она вздрогнула, в последний раз посмотрела мёртвыми глазами куда-то за край ночи и упала лицом на асфальт.

– Всё! – выдохнул Вик. – Надеюсь, что всё!

Он опустил палку и пнул растянувшееся на асфальте тело. Несколько секунд стоял, не двигаясь. Взглянул на Петра.

– Чего это за на хуй такое? – пробормотал Пётр. – Как это, блядь, вообще...

В воздухе разливался запах подгоревшего мяса.

– Я не знаю, – сказал Вик. – Это шунт. Это ёбанный шунт.

– Но как...

– Мешок! – крикнул Вик. – Сделай хоть чё-нибудь, а? Помоги!

Он развернул валяющийся рядом с телом пластиковый мешок. Заскрипела молния.

– Но как...

– Помогать будешь, твою мать!

Вик попытался в одиночку запихнуть в мешок тело, по-

хожее теперь на разломанный, разоде́тый в грязную одежду манекен. Пётр стал помогать, но руки у него тряслись, и тело худенькой девушки показалось ему таким тяжёлым, словно было отлито из свинца.

– Ты как, нормально? – спросил Вик, застёгивая молнию.

Пётр кивнул.

– Я сам донесу. А ты палку возьми.

Вик сгорбился, закинул чёрный мешок себе на плечо и медленно, вразвалку, зашагал к фургону.

– Дверь мне откроешь! – прокряхтел он.

Пётр обогнал его – хотя даже ходить у него получалось с трудом, – и открыл задние двери фургона. Вик бросил в кузов мешок – к двум другим, точно таким же – и вытер рукавом подразумеваемый пот со лба.

– Палка! Палку хоть забери.

Пётр вернулся туда, где лежало тело. На льду темнело несколько пятен крови, а пепельный снег всё ещё искрил и кружился в воздухе, хотя свет от фонаря над подъездом уже тускнел – как будто кончился питающий его ток или же освещать теперь было нечего. Пётр не сразу нашёл палку, потом заметил её, наполовину в тени, шагнул, и что-то хрустнуло у него под башмаком. Наклонился. Под ногами лежал небольшой кристалл странной, неправильной формы, напоминающий кусок расплавленного стекла. Пётр подобрал его и спрятал в карман. Поднял палку.

Вик уже сидел за рулём и проверял запланированный

маршрут, медленно вода над экраном испачканными кровью пальцами. Пётр уселся рядом, машинально схватил лежащие над бардачком сигареты, вытряхнул одну из пачки, но решил, что курить в его состоянии не стоит.

– Выпить есть? – Вик вытащил из кармана в двери замасленную тряпку и протёр пальцы. – Ты ж там ещё чёт приволок?

– Да, было немного.

Пётр достал из куртки старую помятую фляжку.

– Как и не пили ничего... – пробормотал Вик.

Он забрал у Петра флягу и сделал глубокий глоток. Лицо у него тут же перекошило, как от инсульта.

– Ох, и дерьмище! – процедил Вик и машинально вытер губы всё той же кровавой тряпкой, мазнув тёмным по бороде. Через секунду он опомнился и смачно сплюнул на пол фургона. – Неудивительно, что ты полуживой ходишь! Это ж ракетное топливо, блядь!

– Извини, двенадцатилетнего виски нет.

Вик хмыкнул и резко, как если бы они выезжали на срочный вызов, воткнул передачу. Монотонный женский голос предложил активировать автопилот, и Вик раздражённо ударил по экрану на приборке ладонью – как будто дал пощёчину обнаглевшей зазнобе.

– Может, лучше и правда она сама... – начал Пётр.

– Не еби мозг, – сказал Вик.

Они тронулись, и фургон затрясло на рытвинах. Пётр при-

крыл глаза, пытаясь успокоиться. Каждый удар сердца отдавался в висках.

2

Они выбрались из окраин и заехали внутрь четвёртого кольца, не говоря ни слова.

– Сходил бы ты к врачу, – сказал Вик, когда на улицах стали появляться первые огни.

Он вёл, вцепившись обеими руками в руль, хотя обычно вращал баранку двумя пальцами.

– А чего врачи? Смысл? Больше спать, меньше пить. Меньше этого, мать его, стресса.

Пётр усмехнулся. Вик кивнул.

– Меньше пить – нормальный ваще совет.

– Уж извини. Сам-то вчера...

Пётр схватил с приборной панели пачку. Дрожь в руках унялась, но закурить он не решался.

– Не кури, – сказал Вик.

Пётр молча спрятал пачку в куртку, чтобы та не маячила перед глазами.

– Дай лучше глотнуть малость!

– Нет уж! Хрен тебе! Веди давай!

– Да и хер с тобой! Обойдусь без ракетного топлива!

– Обычная китайская водка.

Пётр посмотрел в окно. Все дома на улице были чёрные, электричество по расписанию давно отключили, но хотя бы работало освещение дорог. Редкие фонарные столбы поче-

му-то напоминали сигнальные вышки – реле для передачи световых сигналов в темноту. Фары фургона выхватывали из сумрака узкие островки обледенелого тротуара и голые бетонные стены с вычурно нарисованными иероглифами.

– Тяжёлый год просто, – сказал Пётр. – Тяжёлая осень.

– И не говори, бля! Для сентября падали многовато. Скорей бы уж тот сортир убрали на хер из патруля!

– А чего, собираются?

– Давно! Там уже не город ни хуя, а...

– Мёртвый город.

– Мёртвый, да! А мёртвое есть мёртвое.

Они въехали в тёмный квартал. Вик сбросил скорость, недовольно всматриваясь в выщербленное полотно дороги. Пётр вытащил из кармана чёрную метку – страшно хотелось курить, нужно было хоть чем-то занять руки.

– Отдашь мне потём, – зевнул Вик. – Я же их сдаю.

– А чего там? Образец крови или чего?

– Ты уже спрашивал. Не знаю. Образец крови там или чё.

– Странная штука.

– Странная. А ничё больше тебе странным... – Вик кашлянул, поперхнувшись словами.

– Раньше жетонов этих не было, насколько я помню.

– Да как раньше... – Лоб у Вика собрался складками. – Я когда ток в эска́ пришёл, их уже вводили. Проще с ними. Как-то там херня эта хитро называется... Заключение о смерти, вот! Зос. Хотя... Чёрная метка, она, блядь, и есть

чёрная метка.

– Ясно.

– Тут много ерунды всякой, ещё привыкнешь. Я за пять лет научился не замечать.

– Ерунды? Вроде этой твоей палки?

Вик поёжился и промолчал. В конце проспекта показались огни. Вик выключил дальний, и фургон тут же подпрыгнул на скрывшейся в темноте ямке – так, что Пётр чуть не ударился головой о стекло.

– Бля, извини!

– И как эта колымага ещё ездит!

Они выехали на соседнюю улицу и затормозили на светофоре – первом работающем из всех, которые попадались им по пути. Третье кольцо было уже близко.

Через дорогу, недоверчиво озираясь на остановившийся фургон, пролетели два подростка – оба в бесформенных дурых куртках раздражающе ярких цветов.

– И чё эти блядушата тут в такое время лазят? – проворчал Вик. – Надо бы отловить их да документики проверить! Не хошь размяться, кстати?

Он подмигнул Петру. Пётр не ответил.

– Ладно, ладно, ты ж больной у нас! Отдыхай! Мы свою норму на сегодня уже выполнили и перевыполнили на хер!

Вик ткнул большим пальцем в переборку кабины, за которой лежали три пластиковых мешка.

– Чего зимой-то будет, если уже такое творится? – вздох-

нул Пётр.

– Чё зимой будет, узнаем зимой! Может, нам повезло так сёдня.

Светофор моргнул, и фургон тронулся.

– Кстати, а ты чё там подобрал-то?

– Не знаю, херню какую-то...

Пётр вытащил из кармана кристалл и пару секунд смотрел на стиснутый кулак, прежде чем раскрыть ладонь. Через кабину пронёсся синий отблеск от блуждающего в ночи огонька. Кристалл. Теперь было видно, что внутри камня, как врождённый изъян, протянулась длинная трещина.

– Дай-ка!

Вик выхватил кристалл у Петра.

– Это карта памяти такая? – спросил Пётр.

– Вроде того. Модная хрень. Дорогая, кстати, вещичка. Хотя для соски с шунтом... – Вик ослабился. – На, держи! Камешек треснул, кстати, так что толку от него теперь мало. Но будет тебе сувенир.

Они подъехали к пропускному пункту. Угловатая рама, возвышающаяся над дорогой, была похожа на металлический остов недостроенного здания. Считывающий луч скользнул по номерам, и широкие блокираторы, торчащие из растресканного асфальта, медленно опустились.

– Вот и третье, – сказал Пётр. – Быстро сегодня.

– Ага, мне тоже этот маршрут побольше нравится.

Они выехали на многополосную дорогу. Света стало боль-

ше. На обочине, один через два, горели фонарные столбы, тонкие и высокие, как спицы. Асфальт на автостраде тщательно залатали – неровными заплатами, напоминающими чернильные кляксы, – и фургон больше не подбрасывало на рытвинах.

Вик опять вёл, не напрягаясь, лишь слегка придерживая у основания руль.

– Чего это всё-таки было? – не выдержал Пётр.

– Ты о чём?

– А то не понимаешь!

– Да не знаю я! – Плечи у Вика дрогнули, как от холода. – Слышал, бывает там всякое, конвульсии такие вроде как. Пальцы у мертвяка подёргиваются, а его уж хоронить пора. Но чтоб прям такое... И чё в отчёте писать – неясно. Как бы нас в дурку с такими отчётами на уpekли!

– А правда, чего писать будем? Ты же ей все мозги этой палкой выжег! Чего за палка-то, кстати?

– Старый, – Вик кашлянул, – реквизит.

– Но как это возможно? Она же окоченелая была! Как такое...

– Да не знаю я! Я тебе не этот, не физик. И не химик. Не была она окоченелая. Умерла недавно по ходу. Я такое ваще... – Вик посмотрел на Петра. – Я такое, блядь, ваще никогда не видел. Я и мертвяка-то с шунтом за кольцом не находил никогда.

– Бред какой-то! Там же действительно есть режим пани-

ки. За ней «скорая» должна была приехать, а не мы.

– Да хуй его знает! – Вик на секунду отпустил руль, и фургон мотнуло в сторону. – Может, не сработал режим этот. А может, и сработал. Я-то чё, у меня шунта нет. Мало ли чё у них там сейчас в энд юзер агрименте написано. Да и никому ж неохота за кольцо среди ночи переться.

– Но ты же знал, чего делать.

– Ты меня чё, допрашивать будешь?! Я хоть чё-то сделал!

Червяк её поднял – надо поджарить червяка!

Вик задумался. У его глаз прорезались глубокие, как у старика, морщины. По лобовому стеклу проносились блики от фонарей, мерцающих, как от перебоев напряжения.

– Не знал я ничего. Рассказывали, бывают конвульсии. Разряд в голову – и шунту пиздец!

– Это я догадался. А палка-то откуда? Мне о ней не говорили ничего.

– Да палка эта, разрядное устройство или как её там. Шас не пользуются, с мертвецами от неё толку мало. Обычно. Но в фургоне есть всё равно.

– Понятно.

Пётр откинулся на сидении. Курить хотелось невыносимо.

– Я жрать хочу, – сказал Вик. – Притормозим здесь.

И зарулил на обочину.

– Жрать? – моргнул Пётр. – Где?

– Тут есть. – Вик отключил двигатель, и косящие фары медленно погасли. – Автомат. Хот-доги. Пойдёшь?

Они вылезли из фургона. Вик быстро зашагал мимо кри-
вых и слепых киосков. Все оконца были завешены листами
мятого гофра. Почерневший от копоти снег скрипел под но-
гами.

– Автомат? – Пётр с трудом поспевал за Виком. – И чего,
ночью работает?

– Работает, конечно. А хули бы мы туда пёрлись тогда?

Автомат прятался среди закрытых киосков – вывеска у
него не горела, лишь слабо подсвечивался платёжный тер-
минал.

– Не вызывает он как-то доверия! – хмыкнул Пётр.

– И хер с тобой! У тебя ток водка палёная, от которой
кишки гудят, доверие вызывает! Можешь голодать, мне чё!

Вик приложил ладонь к считывателю. Автомат выплюнул
продолговатый брикет в целлофановой упаковке. Вик взял
его и тут же перехватил другой рукой.

– Горячий, блядь! Перегрели почему-то.

Брикет был коричневого цвета, с закруглёнными краями.

– Похоже на говно, – сказал Пётр.

– Да пошёл ты! – Вик разорвал целлофан и принялся
так, словно сам сомневался в съедобности «хот-дога». – Нор-
мально. Перегрели, а так нормально. Какая-то сука поигра-
лась тут с настройками.

Пётр пожал плечами и тоже купил себе «хот-дог».

Они устроились позади киоска – где не было ветра. «Хот-
дог» оказался комковатым. Разжёванные куски приставали

к нёбу, как клейкая паста. Но вкус был приятным – мясным и острым.

– Подпортили малость, – сказал Вик. – Но всё равно неплохо.

– Нормально. Есть можно.

– Ты это, глотнуть-то дай.

Несмотря на отсутствие ветра, Пётр чувствовал, как холод проникает сквозь его тяжёлую тёплую куртку. Он доел «хот-дог», скомкал обвёртку и помассировал окоченевшие ладони. Вик же продолжал смаковать, с «хот-догом» в одной руке, фляжкой – в другой. Щёки у него зарозовели, а водка больше не вызывала нареканий.

– Коптя-ят! – протянул он с важным видом, точно домо-рощенный философ.

– Ты о чём?

Вик кивнул в сторону широких труб, которые поднимались над панельными домами. Чёрный дым сливался с пустым беззвёздным небом, и казалось, что трубы затягивают в себя темноту.

– Опять перебои будут! – Вик облизнул губы. – Не в центральных, конечно. У тех сучек каждый день праздник. Но нам вот прилетит наверняка.

– Это да.

– Отключить бы на хер все эти поганки! Это ж они всё из города высасывают. Паразиты, бля!

Где-то вдалеке, еле пробиваясь сквозь густой шлейф смо-

га, поблѣскивали тусклые огоньки.

– Жди, – нахмурился Пётр. – Они отопление, скорее, отключат.

– Отключат, как пить дать. И свет.

Вик доел «хот-дог», но фляжку не возвращал.

– Пойдѐм, может? – сказал Пётр. – Я уж дубеть начинаю.

– погоди! – запротестовал Вик. – Ты подыши! Тебе полезно. Считай это курсом новичка, бля! Да и нам нужно же патрулировать на хер, мы и патрулируем! Глотни вот!

Вик встряхнул фляжку.

– Мне хватит! – отвернулся Пётр. – А патрулировать и сидя в тепле можно. Пошли!

– Тут как-то уютно. – Вик показал на заброшенные киоски. – Все эти коробочки. И ветра нет. И гарью почти не пахнет. Есть еда и... – Он приложился к фляжке. – К холоду надо привыкнуть. Надо пустить его, блядь, в себя, закалиться, а то зимой околеешь тут же!

– философ, твою мать.

– О, кстати! – Вик толкнул Петра в плечо. – вспомнил я, чѐ мне говорили. По поводу шунтов этих ебучих.

– И чего тебе говорили?

– Говорили, значит, – Вик набрал воздуха в грудь, – что здесь, в третьем, у мужика карачун был, он дубу дал, понятное дело, причѐм шунт у него, все дела, такой весь прокаченный до сотога левела...

– И чего?

– Да чего-чего, провалялся он больше десяти часов. Это днём! Люди рядом ходили. А чё им? Подумаешь, трупяк лежит, чё такого. Ток ночью его и приняли. Сподобились на хер. Дескать, перегружена была у них, блядь, эта их блядская сеть.

– Вот уроды! А ведь откачать могли бы.

– Понятное дело. А ты говоришь... За этой дурой крашеной никто б не поехал, будь у неё хоть сотня шунтов.

– Это да.

Какое-то время они молчали.

– Перебои будут наверняка, – сказал Вик, уставившись на коптящие трубы. – Я вот бывшую свою вспоминаю. У неё, конечно, крышак под конец конкретно так потёк. Не помню, рассказывал я или нет...

Он рассказывал, но Пётр не стал перебивать.

– Каждый раз, когда свет отрубался, она думала, что всё стирается на хер. Ну из-за темноты. Типа кто-то там на хард-резет нажимает. И просто чёрное пятно. Баста! Раз она не видит чё-то, значит этого и нет. Типа – ваще! Было – и р-р-раз!

Вик импульсивно взмахнул рукой, отбросив в кипящую темноту загаженную улицу, но вдруг замолчал и сник.

– Это всё шунт, – сказал он чуть погодя.

– Шунт, – кивнул Пётр.

– А ведь все тесты прошла. Вероятность того, что там у неё шарики за ролики заедут сотая доля процента была. Ко-

роче, всё замечательно, говорит доктор, давайте вскрывать вам череп на хуй...

Вик сплюнул на асфальт.

– Глупая сука! – Он отхлебнул в последний раз из фляжки. – А я ведь говорил, на хера тебе всё это? Зачем это нужно ваще! А ей чесалось, блядь! А потóm мы с ней вдвоём четыре года по этому долбокредиту выплачивали! Ещё в хорошие, блядь, времена!

– Ладно, пойдём!

Пётр, не дожидаясь ответа, побрёл обратно к фургону. Вик вздохнул и потащился вслед за ним.

– Темнота всё стирает, – пробормотал он. – Надо же такое выдать, а?

Пётр молчал.

– Так вот живешь себе, потóm кто-нибудь засовывает тебе в мозги эту хуйню, и ты начинаешь видеть то, чего нет. Потóm начинаешь думать, что то, чего ты не видишь, не существует. А потóm...

– А потóm превращаешься в зомби, – закончил Пётр.

– В зомби! – подхватил Вик.

– А ты сам не хотел?

– За такие деньжищи? – Вик натянуто рассмеялся. – Нет уж, спасибо! И на хера? За ваши деньги вскипятим вам мозги к ебене матери!

Они вернулись к фургону, и Вик снова полез на водительское сидение.

– Давай, может, я? – предложил Пётр.

– Не! – отмахнулся Вик. – Я в полном порядке! А тебя ещё кондратий хватит, когда мы на кочку наедем. Сиди вон, отдыхай! Наслаждайся жизнью, бля!

– Как скажешь.

– А ты? – спросил Вик, когда они уже ехали по автостраде. – Ты чё, себе червяка в мозги засунуть хотел?

– Не то чтобы хотел, но в угрозе предлагали...

– Так вот почему тебя турнули! – обрадовался Вик. – Вторую неделю я с ним, блядь, катаюсь, а он всё – реорганизация, перевод...

– Да нет, это было необязательно, но тест я не прошёл. Перевели меня не поэтому.

– А почему?

Вик вёл невнимательно и нервно, пытался зачем-то объезжать заплаты на асфальте, резко выворачивая руль. Автопилот постоянно его корректировал, но он даже не замечал.

– Реорганизация, – сказал Пётр.

– Да пошёл ты! – прыснул Вик.

Он съехал с автострады и остановился у пропускного пункта. Они возвращались обратно в темноту.

3

В отделении стояла мёртвая тишина, как в морге. Свет в узком коридоре, напоминающем о построенных в прошлом веке коммуналках, был таким тусклым, что в местах стыка пола и стен пролегли длинные чёрные тени.

Пётр причесался пятернёй и толкнул приоткрытую дверь с содранной табличкой. Диспетчерская.

– О, приехали?

Алла отодвинулась от терминала и улыбнулась. Губы сегодня она накрасила так ярко, что лицо её казалось бледнее обычного.

– Приехали, – сказал Пётр. – Тяжеловатая была ночка.

– Холодно?

– Холодно, да. И три тела уже. А ведь ещё октябрь даже не начался. Бред какой-то.

Алла покачала головой.

– Хоть завтра отдохнёте.

Она пододвинула к Петру старое считывающее устройство – чёрную пластину с диодным глазком.

Устройство сердито пискнуло. Алла кивнула.

– Вот и всё. Что завтра...

Договорить она не успела. В комнату ввалился Вик – раскрасневшийся, как после пробежки – и выдал вместо приветствия:

– Три трупяка, прикинь? В сентябре, бля!

– Да, Пётр уже сказал.

Вик бросил на стол три чёрных жетона – один завертелся юлой, норовя спрыгнуть на пол, но Алла вовремя прихлопнула его ладонью, точно назойливое насекомое.

– Приз нам надо, – Вик икнул, – за трудовой, блядь, подвиг!

– Не ругайся, Виктор! – нахмурилась Алла, убирая жетоны в пластиковую коробку.

– Да я чё...

Алла спрятала коробку с жетонами под стол и постучала ногтем по считывателю.

– Ваш автограф, сэр!

– Автограф, бля...

Вик быстро провёл указательным пальцем по считывателю, и глазок нерасторопного устройства истерически замигал.

– Не спеши ты так. Давай ещё раз. И палец протри.

Вик плюнул на указательный палец и потёр его о куртку.

– Да что ж ты делаешь! Возьми! – Алла протянула ему бумажную салфетку. – Вы так весь считыватель залапываете, и он считывать перестаёт!

– Сидели б за столом, ручки были бы чистые! – огрызнулся Вик, но пальцы салфеткой протёр.

На второй раз считыватель, пару раз неохотно мигнув диодом, всё же принял его отпечаток.

– Вот и всё! – удовлетворённо гаркнул Вик. – Отстрелялись! Но три трупяка! Прикинь!

– Да, – Алла покосилась на терминал. – Молодцы. Хороший...

Петру показалось, что она хотела сказать «улов».

– Петя, кстати, интересовался, чё там в метках этих, – вспомнил Вик. – Проба крови или ещё чё?

– Кровь, да. – Алла откинулась в кресле и взглянула, сощурившись, сначала на Петра, потём на Вика; можно было подумать, что её заставляют разглашать секретную информацию. – А больше ничего и не надо. Конечно, чип там и другая хитрая технология.

– Хитрая технология. Понятненько! А то я шестой год трублю, и всё как-то по хер было, а Петю тут, понимаешь, любопытство разобрало.

– А что тебе не по хер, Виктор? – вздохнула Алла.

– Тоже верно! – хохотнул Вик. – Ладно, мне бы кофейку глотнуть.

– Да, да! – Алла показательно помахала перед лицом раскрытой ладонью. – Тебе не помешает.

Вик, хлопнув дверью, вылетел в коридор.

– Ладно. – Пётр посмотрел на Аллу, попробовал улыбнуться, но улыбнуться почему-то не вышло, как будто всё его лицо омертвело от холода. – Я, пожалуй, тоже пойду.

– И мне пора. Смена-то закрыта. Это Светка, – Алла покосилась на терминал, – курва такая, опять опаздывает!

– Хоть раньше не уходит.

– Ещё бы она раньше уходила! Долго бы её тут продержали! А щас поди найди работу! Но всё равно. Вот ведь вот зараза! Давно уже здесь должна быть.

Алла спрятала считыватель в ящик стола и поправила выбившийся из причёски локон.

– Ты что-то бледный сегодня. Нездоровится?

– Да так. Устал просто.

– Тяжёлая смена, да.

– Ладно! – Пётр всё-таки выжал из себя улыбку. – Пойду, пожалуй. Попробую отоспаться.

– До встречи.

Пётр остановился у двери.

– Слушай, – он обернулся, – вопрос есть один. Ты, может, знаешь?

– Что за вопрос?

– Не в курсе, что это за штука?

Пётр вернулся к столу и вытащил из куртки кристалл.

– Видала я такие! – закивала Алла. – Это вроде карты памяти, но не совсем. Очень дорогая, кстати, вещичка. Сейчас это вообще в моде. Можно?

Она осторожно взяла у Петра кристалл, покрутила в руках, присмотрелась к чему-то, нахмурилась и положила на стол, скривив губы.

– Поломан он, разбил его кто-то. У тебя он откуда вообще? Не купил, надеюсь?

– Нет, стал бы я покупать, не знаю что. Нашёл.

– Может, выбросил кто. Там видишь трещина-то какая.

Молотком, что ли, по нему прошлись.

Пётр схватил со стола кристалл, испугавшись на секунду, что Алла сейчас смахнёт его, как мусор, в корзину для бумаг.

– А зачем вообще эта штука нужна? И почему так выглядит? Она как оплавленная.

– Я ж говорю, это мода такая. Уникальная вещь, щас это прям очень любят! – Алла изобразила одухотворённое лицо и посмотрела в потолок, на грязно-серые разводы. – Кристалла такой формы больше ни у кого нет, это тебе не дешёвка из принтера. И данные хранятся только на нём – и больше нигде. Только вот хрупкие они, кристалльчики эти.

– Вообще нигде не хранятся? А в синьке?

– А вот и нет ничего в синьке! Кристалл ни с чем не синкуется. Уникальная форма, уникальные данные. Потерял – и пиши пропало.

– Глупость какая! И на хера... Зачем это нужно?

– Петя, я ж тебе говорю, модно это. У меня дочурка такой страшно хотела, но они дорогие безумно. На них обычно призрака своего записывают, и тот в синьку не загружается никогда. Призраку рассказывать можно о всяком, секретничать с ним. – Алла снова мечтательно посмотрела в потолок. – Получается что-то вроде дневника. Но не совсем дневник.

– Призрак – не призрак, дневник – не дневник.

– Молодёжь!

– И чего, считать из него теперь ничего нельзя?

– Да может, и можно. Я-то откуда знаю? Думаешь, если я за ящиком, – Алла шлёпнула ладонью по терминалу, – весь день сижу, значит должна во всей этой хитрой технологии разбираться? Да и зачем тебе оттуда что-то считывать? С такими девочки обычно ходят.

Алла издевательски улыбнулась. Пётр заметил у неё пятнышки помады на губах.

– Интересно просто.

– Всё-то тебе интересно. Следовательно, понимаю. Это у нас тут только ничем не интересуются. Откатал смену, выпил, проспался и снова на смену.

– Ладно, не бери в голову! Проехали! Пойду я. С ног валюсь уже.

– Ты зайди на досуге в магазинчик какой-нибудь, где технику продают. Там тебе всё и распишут. Так, глядишь, и узнаешь чьи-нибудь девичьи тайны.

Алла хихикнула.

– Хорошо, спасибо! – Пётр приоткрыл дверь.

– Это кого-нибудь из этих? – тихо спросила Алла. – Мерзлячек?

– До завтра! – сказал вместо ответа Пётр. – То есть...

– Я поняла.

Вик стоял, облокотившись на кофейный автомат, и сонно водил у себя под носом пластиковым стаканчиком, как

ваткой с нашатырём. Пётр уселся напротив, под табличкой с надписью «Не курить!», и вытряс из пачки сигарету, которую доставал уже дюжину раз – захватанную и помятую, с пожёванным фильтром.

– Тебя хоть на доску почёта! – заявил Вик и прихлебнул кофе.

– Да пошёл ты.

– Чё домой не идёшь?

– Сейчас пойду. – Пётр прикусил фильтр. – Прийти в себя бы хоть немножко.

– Аллку ждёшь? – осклабился Вик.

Пётр прикрыл ладонью лицо.

– Никого я не жду. У меня в глазах до сих пор всё двоится. Хоть до дома бы дойти.

– Так и не отпустило?

– Немного отпустило, но всё же... – Пётр вытащил изо рта сигарету. – Давно такого не было.

– Если чё, в техничке аптечка висит.

– На стене которая? Она разве не пустая?

– Сходи да посмотри, чё! – Вик подул на кофе. – Капли вроде были какие-то ебучие.

– Именно таких мне сейчас и не хватает.

Вик хохотнул.

Помещение, которое он называл техничкой, больше напоминало заброшенный склад. К стене был придвинут массивный, в половину человеческого роста, принтер – отклю-

чѐнный и заросший пылью. Рядом валялись коробки с пастой для печати. Аптечка – металлический шкафчик с красным крестом, который какой-то шутник дорисовал по краям, превратив в свастику – криво висела над урной, заваленной пластиковыми стаканчиками.

Внутри оказались бактерицидный бинт с просроченным сроком годности и непонятные таблетки в банке без этикетки. Пётр чертыхнулся и захлопнул дверцу. В груди больше не колело, но голова была тяжѐлой, как после нескольких дней без сна. Хотелось свалиться в постель и проспять до начала следующей смены.

Кристалл.

Пётр достал его на свет, посмотрел на трещину, которая в бледном мерцании энергосберегающих ламп казалась длиннее и глубже, чем раньше, как будто кристалл разрушался у него на глазах. Пётр качнул головой, взвесил кристалл в руке и бросил в урну – к остальному мусору.

В коридоре Вик допивал кофе.

– И как? – спросил он Петра.

– Да никак! Кто там развлекался вообще? На аптечке свастика нарисована, внутри – таблетки без этикетки. Ещё бы мыло с верѐвкой положили!

Вик загоготал.

– Это ты? – Пётр смерил его взглядом.

– Да ты чѐ? На кого я, по-твоему, похож? Хуй знает, чѐ там с аптечкой. Жалобу надо писать! Нам нормальную аптечку

полагается иметь, а не это вот всё!

Пётр потёр грудь. Сердце вновь расходилось.

– Ну хорош! – Вик допил кофе и поставил стаканчик на автомат. – Я рву когти! Со мной?

– Задержусь немного.

– Значит, всё-таки Аллку ждёшь. Так и запишем.

– Вали давай! – Пётр махнул рукой.

– Я к нему, как к другу, а он... – с деланной обидой проговорил Вик.

Он сплюнул на пол, растёр ботинком плевков и зашагал к выходу, смешно распялив руки. У двери в приёмную остановился, шмыгнув носом и грузно толкнул дверь плечом. Из приёмной послышались голоса – грубоватый, Вика, и писклявый, женский. Светка, тощая, словно от булимии, влетела в коридор и, зыркнув вылупленными глазищами на Петра, застучала каблуками по направлению к диспетчерской.

Смена Аллы.

Пётр расхаживал взад и вперёд по коридору. Женщины в диспетчерской ссорились. Светка пищала так, будто надышалась гелием, и от её стервозных интонаций у Петра ещё сильнее разболелась голова. Он уже пошёл к выходу, как вдруг остановился.

– Да десять минут, чё ты ерепенишься! – визжала Светка.

– Какие на хрен десять минут! – возмущалась Алла.

Её голос по сравнению со Светкиным казался грудным басом.

Пётр, не до конца понимая, что делает, быстро зашёл в техничку и, усевшись перед урной на колени, принялся разгребать мусор.

Стаканчики, снова стаканчики. Что-то холодное и липкое пролилось ему на руку, и он брезгливо поморщился. Спустя несколько секунд он вытащил из урны кристалл и поднял над головой, как потерянную и вновь обрётённую драгоценность. К камешку пристал обрывок этикетки – название лекарства, от которого осталось лишь невразумительное «прозин». По пальцам стекал чей-то недопитый кофе. Пётр спрятал кристалл в карман и вытер о штатину руку.

4

Единственная лампа на лифтовой площадке не светила, а лишь подсвечивала в воздухе пыль. Пётр зашёл в квартиру, и дверь тут же захлопнулась, заперев его в темноте. Он вслепую нашарил кнопку на стене, нажал, но свет так и не загорелся.

Квартира была мёртвой, оглушительно пустой, как будто он по ошибке забрёл в брошенный дом за кольцом. За последним кольцом. Пётр смог рассмотреть только серые пятна поверх угольной черноты – исчезающую в сумраке мебель, широкий прямоугольник плотно зашторенного окна.

Если ты чего-то не видишь, значит этого нет.

Он полез в карман за пингбенем и выронил пакет с продуктами. Что-то вывалилось из пакета, покатилося по полу, затихло и сгнуло.

Пётр вздохнул.

Какого чёрта он зашторил окна?

Он несколько раз пощёлкал кнопкой включения света. Заедающий механизм наконец сработал, лампы на потолке мигнули и принялись медленно разгораться.

Пётр стал собирать с пола продукты.

Всё было на месте – два пищевых брикета со вкусом рыбного филе и два со вкусом говядины, пластиковый контейнер с водой, – и только яблоко, которое стоило втрое больше, чем

всё остальное, укатилось куда-то впотьмах. Пётр не сразу нашёл пропажу. Яблоко застряло под диваном, и пришлось выживать его, улегшись на полу, залезая в маслянистую пыль по локоть. Навалившись в грязи, Пётр устало уселся на диване, разглядывая деликатесный фрукт – небольшой, размером с ладонь. Одна его сторона примялась и размякла – так, словно яблоко уже начинало подгнивать.

Пётр поплёлся на кухню.

Горячей воды не было. Он сполоснул яблоко под холодной, и у него заломило пальцы. Откусил – и скривился от кислоты.

Вернулся в гостиную. В трубе Пётр думал, что свалится в кровать, как только приедет, однако теперь ему не хотелось спать. Правда, заняться было нечем – разве что доесть кислое яблоко.

Пётр положил пакет с продуктами на стол – пищевые брикеты не портились, не было нужды хранить их в холодильнике.

Мебель, как и вся техника, перешла ему от предыдущих жильцов. Убранство гостиной составляли обеденный стол на несколько человек, четыре разномастных стула, просиженный диван и голые белые стены, в основаниях которых, по вечерам, скапливалась темнота.

Пётр не знал, кто здесь раньше жил. Вернее, кто умер. Поговаривали, что бюро так и выделяет сотрудникам квартиры – ждёт, пока кто-нибудь не околеет от холода и не освободит

жилплощадь.

Жаль, что в центральных районах не торопились на тот свет.

От яблочной кислоты сводило рот. Пётр попробовал вспомнить, когда в последний раз ел яблоко – и не смог.

Он расшторил окно.

Светало. Облака над одинаковыми домами светились оранжевым и багровым, а над ними тянулся чёрный шлейф дыма от ТЭЦ. Снег перестал, но стёкла по краям покрылись инеем, а радиатор под окном не грел. Пётр так и не снял куртку.

Он догрыз яблоко. Нужно было поесть что-нибудь посерьёзнее, одного «хот-дога» ему не хватило. Пётр вслепую, точно лотерейный билетик, выудил из пакета пищевой брикет – попался говяжий, – и пошёл на кухню. Он положил брикет в микроволновку – разогреть было необязательно, но холодный едва получалось разжевать – и присел за узенький столик у окна.

На столике стояла початая бутылка.

Микроволновка звякнула. Пётр вытащил из неё брикет – коричневым, как тот самый «хот-дог» из ночного киоска. Благодаря цвету, брикет и правда походил на кусок запечённого мяса.

Пётр взял вилку и, немного подумав, стакан.

Жевал он машинально, не различая вкуса. Расправился с половиной брикета и плеснул водки в стакан. Осушил одним

глотком. Налил ещё. В голове прояснилось. В груди чувствовалось приятное тепло. Теперь Пётр ел медленно, раскатывая каждый кусочек языком по нёбу. Брикет был сочным и сытным.

Стало жарко. Пётр скинул куртку на пол – вставать и идти куда-то уже не было сил. Закурил.

Полбутылки. Почти полная пачка сигарет.

Он вспомнил о чём-то, подцепил с пола куртку и нащупал в кармане кристалл.

Пётр совершенно не понимал, зачем его подобрал. Сломанная карта памяти, не соединённая с синькой, уникальный дизайн, из-за которого кристалл напоминал то ли кусок оплавленного стекла, то ли окаменелую личинку насекомого. Дорогая придурь для дурной молодёжи. Трещина внутри странно уменьшилась в размерах и казалась незначительным изъяном – вроде тех, из-за которых снижают цену драгоценным камням. Пётр несколько раз моргнул, ещё раз всмотрелся в кристалл и бросил его на стол. Тот покатился по клеёночато́й скатерти со стилизованными под иероглифы узорами и ударился о бутылку.

Пётр пыхнул сигаретой. Тяжёлый сизый дым обволок на мгновение треснувший камень. Сердце отпустило, прошла головная боль.

Пётр налил ещё водки.

И вспомнил о мёртвой девушке с шунтом.

Бездомная, у которой шунт в голове стоит больше, чем он

зарабатывает за год. Её посмертная агония – словно она пыталась добраться куда-то, сделать что-то, несмотря на собственную смерть.

Пётр повёл плечами от внезапно вернувшегося холода.

Он вдруг подумал, что зря не настоял на вызове группы, пусть бы они и прождали их всю ночь. Вик с электрической палкой. Кровь, брызнувшая из глаз. Чёрная и густая, как патока.

Он допил залпом водку и снова наполнил стакан. Сигарета догорела. Он закурил вторую.

Утренний свет за окном раздражал. За неделю с небольшим в СК Пётр так и не привык спать среди дня. Он встал – покачнулся, но устоял, разведя руками, – включил потолочную лампу и зашторил окно. Можно было притвориться, что день, не успев начаться, промелькнул где-то между вторым и третьим стаканом, и уже наступила ночь.

Тихая мёртвая ночь.

Он поднялся из-за стола, только когда добил бутылку.

Его шатало, и он впечатался в стену плечом, выбираясь из кухни. Кое-как добрался до спальни и, не раздеваясь, свалился в кровать.

Проснулся Пётр, когда сквозь прогалины в шторах уже пробивался плотный полуденный свет. Он весь вспотел. Сердце бешено молотило. Он добрёл до ванной – пробираясь сквозь загустевший, пропитанный запахом говяжьего брикета воздух, – вытащил из аптечки пузырёк, вытряс несколько

капель на язык и запил водой из-под крана.

От едкой горечи его чуть не вырвало. Он несколько раз глубоко и медленно вздохнул, чтобы успокоить желудок. Вернулся в кровать, но сна больше не было. Тогда Пётр вышел в гостиную, стараясь двигаться осторожно и медленно, как будто из-за любого резкого движения у него брызнула бы кровь из глаз. Капли должны были скоро подействовать. Он мог посмотреть какой-нибудь фильм или передачу – что угодно, лишь бы немного отвлечься.

Пётр стоял у голой шершавой стены и водил по ней ладонью, точно нащупывал тайную дверь, однако минбан, который обычно спешно отзывался на жесты, никак не включался. Стена оставалась белой и пустой. Сдавшись, Пётр свалился на диван.

Было тихо. Как и всегда.

Пётр прикрыл глаза, и в этот момент с потолка прогремел барабанный бой. Пётр вскочил на ноги, но тут же ослабленно осел на диван. Стена взорвалась красками, замелькали огромные, в человеческий рост, буквы – так быстро, что ничего невозможно было прочесть, – и пошёл обратный отсчёт. Под самым потолком, залезая на стыки стен, пульсировали яркие неровные цифры – резко высвечивались, увеличивались судорожным рывком, сжимались и тонули в цветном месиве. Отсчёт ускорился, как биение сердца. Цифры стремительно приближались к нулю. Начиналась какая-то передача или хамский рекламный ролик. Пётр взмахнул ру-

кой, отбросив это раздражающее мелькание в сторону, прочь из комнаты. Звук под потолком оборвался. Изображение на стене на секунду застыло, как на стоп-кадре, а затем потускнело и сгнуло.

Виски́ вновь буравили раскалённые иглы.

Пётр поплёлся в ванную. Он был ещё в уличной одежде – лишь куртка валялась на кухне, брошенная, пока он допивал вчерашнюю бутылку. Рубашка под свитером пропотела насквозь и прилипла к телу. Пётр снял через голову свитер, надеясь, что холод протрезвит его, остудит кровь. Он открыл кран и подставил шею под струю ледяной воды. Затем взглянул на себя в зеркало.

Глаза покраснели и стали мутными, пустыми, как у незрячих, как у мёртвой девушки, которую воскресил свихнувшийся шунт.

Пётр доковылял до кухни. Холод раздирал кожу. Головная боль так и не отпустила. Водки не оставалось. Кристалл, о котором он уже и забыл думать, по-прежнему валялся на столе.

Пётр остановился у самодельной вывески. Кусок мятого гофра, пришипленный над дверью. Криво намалёванное светящейся краской «Техника» – с прописным «А», как будто это имело особенное, понятное только избранным, значение.

Пётр зашёл и прищурился.

Внутри было темно, как в подвале, и лишь высоко, под потолком, мигало несколько цветных диодов, поддакивая неслышной мелодии – красный, синий, зелёный, снова красный, снова зелёный.

– Есть кто? – крикнул Пётр.

Впереди, у стены, послышались шелест и скрип, а через секунду над головой у Петра засветилась лампа.

«Подвал» был точным определением. Узкое, с низким потолком помещение завершалось длинным столом, за которым сидел тощий паренёк в огромной, с чужого плеча, искусственной дохе. За спиной у него висела табличка с красной надписью «Warning! This song has no words!» и вереницей мелких, уродцеватых иероглифов, означавших, по-видимому, то же самое. К стенам были приколочены полки с поломанной техникой – терминалы, считыватели, пыльные платы.

– Вы чё хотели-то? – Парень уставился на Петра осоловелыми глазами. – Вам на ремонт?

– Ремонт? Нет.

Пётр подошёл к столу и показал парню кристалл – он держал его двумя пальцами, как драгоценность для ломбарда, но в тусклом свете подвала тот напоминал, скорее, кубик мутного льда.

Парень моргнул несколько раз, словно в глазах у него спросони двоилось.

– И чё?

– Знаешь, чего это за штука?

– Ну ясное дело! Ток я тут ничё не покупаю. Я продаю! – и, выпростав тощую руку из необъятной дохи, парень показал на забитые хламом полки.

– А я и не продаю, – сказал Пётр. – Мне нужно считать с кристалла данные. Можешь сделать?

– А-а! – Парень оживился. – Ну так другой разговор! Так бы сразу, да. Послайсить бы кристальчик можно, да. Через чоппер его подрубить, скажем, но тут дело сложное.

– Чоппер? – нахмурился Пётр. – В смысле, дело сложное? Так можно или нет?

– Червячка-то нет? – спросил парень и тут же сам замотал головой. – Нет червячка, ясное дело! Был бы червячок, ты бы тут не слайсил, – парень хихикнул, – тебя бы тут ваще не было! А без червячка...

– Твою мать! – рявкнул Пётр. – Так есть у тебя чего-нибудь или нет?!

Парень облизал обветренные губы, выудил из дохи тон-

кую захватанную сигаретку и закурил.

– Ты, старик, не обижайся, но тут дело такое... – Он выдохнул дым в потолок. – Штучки эти – они для тех, кто с червячками. Считать кой-чѐ можно, конечно. Ну так, посплайсить чуток. Чѐ найдѐм – обойдѐм. Если там локер обычный, понатянем сток, что тебе за полжизни не разгрести. Но если какой навороченный – то тут я без гарантий. Я пару таких камешков крякал, так чуть мозги не вытекли! Муторно это!

Парень скосил глаза на кристалл, но Пѐтр тут же убрал его в карман.

– Чуть не вытекли, да. А те чѐ нужно-то оттуда? Мне бы знать надо. Тѐги какие-нить или буфены. Ну там био-мио, гео-шмео...

– Я ни хера не понимаю, о чѐм ты говоришь!

– Мужик! Ты хоть знаешь, чѐ это за штучка такая? Там – призрак! Дух, мать его так! – Парень ткнул пальцем Петру в грудь. – Причѐм онпрема! В синьке его нет.

– Знаю я всё.

– И чѐ те с него надо тогда?

– Надо всё. Всю программу призрака.

Парень приподнял брови.

– Все данные? Мужик, ты чѐ ваще? Ты чѐ, вконец обдолбался? Ты хоть представляешь, какой там объѐм в натуре? Куда мы сливать-то это будем? Другой кристальчик есть?

Пѐтр покачал головой.

– Тогда вариантов немного. Тогда... – Парень хитро сузил

глаза.

– Чего тогда?

– В общем можно подрубиться типа. Ток без червячка – это дело такое...

– Сложное?

– Сложное, да. А чё ты думаешь? Но и нормально подрубиться не получится. Ток так, наполовину типа.

– В смысле наполовину?

Парень выпустил из ноздрей дым и глухо закашлялся, как туберкулёзник.

– Юкс порезанный будет. Ну а чё ты хошь-то? С червячком же там – все ощущения, все органы чувств. Осязание там, обоняние. – Он снова кашлянул. – Короче, можно получить ток визуал. Ну и это, аудио-монаудио.

– Этого хватит.

– Тогда...

Парень плевком затушил сигарету. Придерживая одной рукой доху, он наклонился и вытащил из-под стола пластиковую коробку. То, что в этой коробке лежало, напоминало детали от разобранного манекена – перчатка с металлическими фиксаторами для пальцев, которую кто-то сложил так, что из кулака торчал один средний палец, серебристые манжеты на запястья, стальные обручи, чтобы до боли стискивать виски. Парень запустил в коробку руку, погромел и выудил самую нелепую штукювину из всех. Она была похожа на проволочную корону с батареекой на затылке и мятым за-

бралом, полностью закрывающем глаза. К забралу крепился пульт с круглыми разноцветными кнопками.

– Чего за хрень такая? – спросил Пётр.

– Хрень! – Парень обиженно поджал губы. – Это ж йен-дзынь, самый реальный! Червячок без червячка практически! К дыркам, правда, не подрубается, но духа увидишь тока так! И побазарить тоже без проблем – там и микрофон, и звук, и все дела.

– Значит, я смогу поговорить с призраком?

– Ну так! А о чём я тебе тут?

Пётр смерил шлем взглядом.

– Сам сделал?

– А то! Выглядит не ахти, конечно. – Парень любовно погладил забрало, смахивая с него пыль. – Но работает тока так. Картинка супер! Такой визуал – ты охренеешь, отец! Пространственный звук! Корпус я, правда, напечатать для него не успел. – Парень покачал пальцем моток проволоки на затылке. – Зато и отдам подешевле. Сговоримся кароч. Ну и так даже лучше! Настраиваемый размер получается!

Парень захихикал.

– Дзынь, значит?

– Йен-дзынь!

– Примерю?

– Валяй!

Вопреки опасениям Петра, шлем налез, однако батарея больно давила на затылок, а криво скрученная проволока

впивалась в виски. К тому же он ничего не видел. Тяжёлая давящая темнота.

Пётр бросил дзынь на стол.

– Дерьмо какое-то! Ты меня чего, разыгрываешь?

– Да ничё я не разыгрываю! Если чё не нравится, могу поправить. Всё равно такой дзынь больше ни у кого не найдешь!

– Да уж, разве что в такой же дыре на соседней улице!

– Так и шёл бы на соседнюю улицу! – Парень бережно поднял со стола шлем и положил его обратно в коробку. – Чё ты ко мне за слайсами припёрся? Или на соседней уже послали? Да, отец?

– Ты бы повежливей, – сказал Пётр. – И ещё раз назовёшь меня отцом, зубов не досчитаешься.

– Ладно-ладно! – развёл руками парень. – Извините, дядя, я – не я, и всё такое прочее. Но какие ко мне-то предьявы? Тебе духа открыть надо – вот варик. Чё не нравится, я не пойму?

Пётр упёрся руками в поясницу и ещё раз посмотрел на валяющийся в коробке дзынь.

– Он работает хоть?

– А то нет! Тут ваше всё работает! Всё сам, – парень ткнул себя в грудь, – сам проверял! Я хлама не толкаю!

Пётр потёр глаза. Голова болела, а после вчерашней водки мутило. В спёртом воздухе магазинчика пахло табаком. Он закурил.

– Проверим?

– Тут дело такое... – замялся парень.

– Сложное, да?

– Ну как сложное – батарейка разряжена. А мне тут быстро зарядить не получится, заряжаться долго будет. Ну а чё? Придёшь домой – зарядишь, проверишь. Если чё не так, ну мало ли, я ж всегда тут. Приходи, поменяю, деньги верну.

– Я вообще не тороплюсь. Ты заряжай пока, а я пойду, пивка попью.

– Ох, отец... – вздохнул парень, но тут же осёкся и быстро взглянул на Петра. – Ладно! От сердца отрываю!

Он снова порылся в коробке и вытащил тонкую прямоугольную батарею.

– Вот! – Он гордо продемонстрировал её Петру. На чёрном пластике был наклеен стикер с мелкими иероглифами. – Самая крутая! Полгода твой дух без подзарядки прокумекает, а то и год! У меня одна ваще такая!

– Хорошо. Подключай.

Парень схватил со стола отвёртку и стал выламывать старую батарею, которая была обмотана проволокой, как паутиной.

– Ток эт те дороже будет стоять. Сам понимаешь, такой продукт. Реальный, сам понимаешь.

Парень подсоединил новую батарею и кое-как оплёл её проволокой.

– На, – сказал он, – проверяй!

Пётр недоверчиво покосился на приделанный к забралу пульт.

– И как эта хреновина работает?

– Отлично работает! Синяя – включение и выключение. Вот эта вот – снимок. Эт ваще мой джуи! – Парень брызнул слюной.

– Чего твой? И какой ещё снимок?

– Ну снимок! – Парень попытался изобразить что-то руками, и доха едва не слетела у него с плеч. – Типа зафотать духа можно. Там картофан, кстати, встроенный, и фоту по-то́м можно, как ты любишь, считать.

Паренёк ослабился, показав тонкие прокуренные зубы

– Картофан? Карта памяти? – догадался Пётр.

– А то!

– Ладно. А остальные кнопки чего делают?

– А остальные, – медленно проговорил парень, – не работают.

– Хоть бы что-то работало!

Пётр сплюнул сигарету на пол и раздавил её башмаком.

– Эй, тут тебе не сортир! – возмутился паренёк.

– Помолчи! Значит, надеваю, нажимаю синюю кнопку – и всё?

– Типа того.

– А кристалл в кармане?

– Не, надо посмотреть на него. Вытащи и позыркай! – Парень выпростал из дохи руку и сделал вид, что рассматрива-

ет воображаемый кристалл. – И поддержи в руках немного, минутку-две в день хотя б – но ток без перчаток и прочего. Он заряжается так.

– Вот же хрень!

Пётр примерил дзынь. Аккумулятор больше не давил на затылок, но вся эта конструкция выглядела ещё более расхристанной, чем раньше – забрало покачивалось, когда он поворачивал голову, криво приделанная батарейка клацала и скрипела.

– Ну же! – подгонял его парень.

Нажимать на синюю кнопку Пётр не торопился. Сердце снова замолотило.

– Да не бойсь ты! Не взорвётся он! Сам же хотел проверить!

Пётр стянул с одной руки перчатку и медленно поднял над головой кристалл. Пальцы с перепоя дрожали. Пётр вздохнул и нажал на синюю кнопку. Что-то больно вдавилось в глаз, и шлём раздражённо загудел, как трансформатор.

– Не взорвётся, говоришь...

Парень молчал.

Появилось изображение. Всё вокруг казалось преувеличенно ярким и чётким, как при завышенной резкости, когда цвета выгорают, и сквозь монотонную серость прорезаются острые края предметов – стен, мебели, даже лиц.

– Херня! – заявил Пётр. – Не работает.

– погоди чуток. Или попробуй поводить кристаллом ту-

да-сюда.

Пётр поднёс кристалл к забралу. Фокусировка запаздывала, и бурую картинку в забрале временами застилал туман.

– Херня полная!

Пётр собирался уже снять дзынь, но тут всё вокруг затопила густая синева, в которой отчётливо просматривались горизонтальные полосы развёрстки, как при аналоговом сигнале.

– Чего за... – Пётр моргнул, но синева не исчезла. – Как это работает вообще? На транзисторах, что ли?

– Полоски-то? Всё путём, зафурычило значит. Это позиционка такая.

– Позиционка?

– Ну, – парень пощёлкал узловатыми пальцами, – координатная сетка. С огрешками маленькими, конечно, ну а чё ты хочешь? Не червячок же. Но лучше ни у кого...

– Да всё равно ни хрена не работает! Чего мне делать-то нужно?

– На кристалл посмотри.

Пётр посмотрел на кристалл. По-прежнему ничего. Уродливый шлем со смешным китайским названием уже бесил. Снова хотелось курить, но Пётр почему-то решил, что сигарета может помешать сеансу. Сеансу. Как будто он отправился к медиуму, чтобы вызвать призрака.

Пётр покрутил головой, присмотрелся к синюшному, точно у мертвеца, лицу парня. Детализация картинка серьёз-

но страдала. Если английская надпись на стене читалась без проблем, то мелкие иероглифы Пётр разглядеть уже не мог – они сливались друг с другом, напоминая больше арабскую вязь, чем китайскую грамоту. По краям забрала синий туман редел и сходил на нет – скосив глаза, можно было увидеть прежнюю, не испорченную цветовым фильтром картинку.

– Будет чего-нибудь ещё или уже можно снимать?

– Погоди! Первый контакт всегда медленный.

Контакт.

– Это как первый раз с тёлкой – не всё сразу получается! – Парень прыснул со смеху. – В следующий раз быстрее будет. Он щас пытается с кристаллом спариться. Спариться, хы! Но там хитро всё.

– Мне это уже надоело! За шута меня держишь?

– Ну погоди ты!

Наконец внутри камня, рядом с трещиной, запульсировал красный огонёк – сбивчиво и суматошно, словно никак не мог определиться с интервалами мерцания. Спустя ещё несколько секунд перед глазами Петра возникли рубиновые буквы – такие осязаемые и плотные, что, казалось, кто-то вырезал их из пластика и подвесил в воздухе.

– «Требуется авторизация», – вслух прочитал Пётр. – «Доступные варианты – магический жест, секретное слово».

– Во, пошло! – Парень зажал между зубов тонкую сигаретку и чиркнул зажигалкой. – Работает! А ты говорил... Надпись эту я заделал, кстати. Мощно, да?

– Магический жест? Секретное слово?

– Ага, – парень пыхнул сигареткой, – биометрии нет. Не фурычит она на дзыне. Но с биометрией ты всё равно был бы в пролёте, старик.

– Я тебе не старик!

Пётр нажал на синюю кнопку. Яркие цвета, чёткие линии. Его выкинуло из одной реальности в другую, изменилась плотность материи, освещение, давление среды, и от стремительной декомпрессии закружилась голова.

– Авторизация, значит?

Пётр покачнулся и полез в карман за сигаретами.

– Ну да. Щас везде авторизалка. У меня вон даже в сортире авторизация. Правда, там, – парень хихикнул, – биометрия.

– Хватит чушь молоть! Взломать можно?

– Не знаю. – Парень озабоченно взглянул на Петра. – Я по железякам больше, крикать не моё, мужик. Так, пошлайсь слегка.

– А кто может помочь?

– Слушай! – Паренёк взмахнул сигаретой, рассыпав по столу пепел, – Я думал, ты в курсах, чё там ваще за дело! Как без авторизалки-то? Ты где этот камешек-то взял?

– Тебе какое дело?

– Да никакого, старичок! Нужны мне больно твои камешки! Так значит, всё? Не нужно, значит?

Парень поднял дзынь и пошатал примотанную к нему ба-

тарею.

– А на хера он мне?

Пётр закурил.

– Ну вот, здрасте! – вывернул губу парень. – Чё сразу тогда про авторизалку не спросил! Мне теперь чё, обратно всё переделывать?

– Ты очень много труда потратил!

– Потратил! А сколько времени я на тебя, старик, потратил! Авторизалка ему, понимаешь...

– погоди! – Пётр задумался, уставившись на табличку с надписью «Warning! This song has no words!». – Не плачь, парнишка! Возьму. Сколько ты за него хочешь?

Лицо парня расплылось в довольной улыбке.

– Ну наконец-то! Сразу бы так!

Дома Пётр первым делом проверил в комнатах радиаторы – они были едва тёплые. Проходящая по старым трубам вода давно начала остывать. Он не стал снимать уличную одежду. Разогрел в микроволновке рыбный брикет, от которого несло протухшей треской, и налил водки в стакан.

Пётр сидел за кухонным столиком, напротив мутного от грязи окна, и разглядывал дзынь. Грубо сработанный каркас из толстой проволоки, забрало, похожее на старые очки для виртуальной реальности, приплюснутая китайская батарейка с торчащими ниточками проводков. Можно было подумать, что он подобрал на помойке старую детскую игрушку.

– Ох, и дурак ты! – вздохнул Пётр и осушил залпом стакан.

Расправившись с брикетом, он вышел в гостиную, разместился на диване и надел дзынь. Устройство в этот раз и правда сработало быстрее – спустя всего пару секунд после включения внутри кристалла задрожал красный огонёк, а под потолком повисли тяжёлые рубиновые буквы. Пётр трясущейся рукой изобразил в воздухе спираль – жест постоянного из старых фильмов, разрешающего проехать через перекрёсток, – и буквы закрутились, как в водовороте. Через секунду угловатая надпись исчезла, но призрак так и не появился. Вместо этого откуда-то из-за спины раздался раздра-

жённий гудок, и перед Петром высветилось новое сообщение:

«Ошибка авторизации».

Пётр выругался, повторил жест со спиралью и, когда рубиновые буквы стала засасывать воздушная воронка, попытался схватить их, резко вытянув руку.

Гудка больше не было.

У окна появилась девушка в тёмном коротком пальто – она мгновенно воплотилась из пустоты, без мерцания и прочих раздражающих эффектов. Девушка стояла к Петру спиной, делая вид, что рассматривает угол оконной рамы. Волосы у неё были чёрными.

По коже у Петра пробежал холодок. Девушка действительно находилась в комнате. Она стояла у окна, мечтательно сложив на груди руки, и тихо, чуть заметно дышала. На истёртом ламинате вздрагивала её тень.

– Привет! – выдавил из себя Пётр.

Девушка не обернулась. Пётр снял дзынь, и в глаза ему тут же ударил потолочный свет, который до этого приглушало забрало.

Девушка исчезла.

Пётр опять надел дзынь.

Жёсткая проволока давила в виски. У окна, спиной к Петру, стояла девушка с чёрными волосами.

– Привет, – повторил Пётр. – Слышишь меня?

– Зачем ты пришёл? – спросила девушка, не оборачива-

ясь.

Голос у неё был тихий, спокойный и – живой. Он совсем не напоминал синтезированную речь – монотонную, лишённую интонаций.

– Мне нужно поговорить с тобой. Дело в том, что твоя хозяйка...

Пётр осёкся. Девушка по-прежнему стояла к нему спиной, но он никак не мог избавиться от чувства, что она действительно здесь – в этой параллельной, залитой синевой комнате, где все предметы, если присмотреться, распадаются на горизонтальные полосы, а сам он страдает близорукостью, как старик.

– Только аудио-визуал, – напомнил себе Пётр.

В этот момент девушка повернулась.

Пётр вздрогнул.

Она выглядела совершенно не так, как погибшая – угольные волосы, которые он вначале принял за дань виртуальной моде, большие тёмные глаза, бледное и худое, сужающееся к подбородку лицо.

– Ты кто? – прошептал Пётр.

– Синдзу, – ответила девушка, улыбнувшись. – Имена такие забавные, правда? Как твоё?

– Пётр.

– Я тебя не знаю. – Синдзу нахмурилась, и на лбу у неё прорезалась тревожная морщинка. – Ты – другой.

– Другой? Что значит другой?

Пётр невольно заёрзал на диване. Синдзу наклонила голову, и её шея неестественно вывернулась, а волосы закрыли половину лица. Она уставилась на Петра тёмными горящими глазами, сделала шаг к дивану, и одна её нога провалилась по щиколотку в пол.

Петру захотелось сорвать с головы дзынь.

– Другой, – сказала Синдзу. – Другой значит другой.

– Я – следователь, – начал Пётр. – Вернее...

Однако Синдзу его как будто не слышала.

– Впрочем, ты ведь обучен волшебству, так что всё в порядке.

Её фигура вздрогнула, стала на мгновение прозрачной, как отражение в стекле, но тут же вновь обрела реалистичную плотность – нога теперь не проваливалась в пол, голову Синдзу держала прямо, а волосы красиво рассыпались у неё по плечам.

– Впрочем, ты ведь обучен волшебству, – сказала с той же интонацией Синдзу, как если бы испорченная запись пошла по кругу, – так что всё в порядке.

– Обучен волшебству, – повторил, как под гипнозом, Пётр.

– К тому же, – улыбнулась Синдзу, – я люблю узнавать новое.

Пётр вскочил с дивана. Это по-прежнему была его квартира – ободранная мебель, серые от грязи стены, тёмные разводы на потолке. И в то же время всё вокруг казалось другим.

Синдзу неподвижно стояла рядом со столом – плечи расправлены, руки вытянуты и прижаты к бёдрам – и смотрела с застывшей улыбкой на диван, словно по-прежнему видела там кого-то.

– Синдзу! – позвал Пётр.

Она повернулась.

– У меня есть несколько вопросов. Я хочу поговорить о том, кто создал тебя.

– Я тебя не знаю! – На лбу у Синдзу прорезалась тревожная морщинка. – Ты – другой.

– Другой? Что это значит?

Пётр подошел к Синдзу и, не сдержав любопытства, коснулся её лица. Его рука провалилась ей в рот по запястье: кисть будто срезало световой волной. Синдзу не шелохнулась. Она была лишь изображением на дешёвом экране под забралом дзыня, но Пётр никак не мог избавиться от ощущения, что его затянуло в ночной кошмар.

– Это снова какая-то авторизация? – спросил он, возвращаясь на диван. – Проверка? Мне нужно что-то угадать?

Синдзу посмотрела на него и улыбнулась.

– Что значит другой?

– Другой значит другой.

– Тебя чего, заклинило?

Синдзу сделала ещё один шаг к дивану, и нога её вновь застряла в ламинате.

– Я – авторизованный пользователь! Отвечай на вопро-

сы! – скомандовал Пётр.

– Вопросы...

Синдзу мечтательно прикрыла глаза и отвела назад голову, подставляя лицо воображаемому ветру. Волосы её и правда сверхъестественно заструились в воздухе.

– Как твоё имя? – спросил Пётр.

– Синдзу.

– Кто тебя записал?

– Ты.

– Чего? – Брови у Петра поползли вверх. – У тебя неверные данные! Я не мог тебя записать. Я не твой обычный пользователь. Я, как ты говоришь, другой.

Синдзу вздрогнула. Она картинно подняла над головой руку, точно репетируя па в каком-нибудь старомодном танце, и вдруг раздвоилась. Её призрачная, проникнутая синевой копия взлетела на полголовы к потолку. Синдзу попыталась что-то сказать, приоткрыла рот и – сама стала прозрачной. А потом исчезла. Пётр удивлённо замотал головой, но девушка тут же появилась у окна.

– Другой, – сказала она. – Ты – другой. Я тебя не знаю.

– Вот чёрт!

– Впрочем, ты ведь обучен волшебству, так что всё...

– Ты меня вообще понимаешь?! – крикнул Пётр. – Ты можешь отвечать на вопросы? Вопрос, ответ, слышишь?

– Вопрос и ответ, – прозвучал голос Синдзу, однако губы её не шелохнулись. – Ответы.

Она медленно приближалась к дивану.

– Я люблю узнавать новое.

От синей мглы, затопившей комнату, болела голова. Сердце молотило так, что тряслись руки.

– Когда ты была создана? – не сдавался Пётр. – Дата и время?

– Я люблю узнавать новое.

Лицо Синдзу исказилось. Подбородок съехал на бок, как от перелома челюсти, кожа на щеке разошлась, обнажив плотно стиснутые зубы, один глаз ввалился в череп, а другой страшно распух и вылез из орбиты – пустой, мёртвый, незрячий.

– Ответы, – звучал голос Синдзу. – Вопросы и ответы.

Она продолжала идти к Петру – короткими, судорожными шагами, постоянно вздрагивая, как от ударов палкой Вика.

Пётр скинул с головы дзынь.

– У вас то густо, то пусто!

Алла нарядилась в цветастое платье, потускневшее по краям рукавов, и постоянно тёрла от холода плечи, хоть в отделении и топили.

– В прошлый раз на неделю вперёд хватило, – сказал Пётр.

– Это уж точно!

Алла зевнула, прикрыв ладонью рот, и выразительно посмотрела на Петра.

– Тут, кстати, из внутреннего приходили. Как раз по поводу вашего, – Алла кашлянула, – клиента. Имя забыла. – Она повертела пухлой рукой. – Эта та, с кукольным личиком такая. С шунтом.

– Из внутреннего? – Пётр присел на край стола. – И чего они?

– Оказалось, девчонка из богатой семьи была, родители её чуть ли не из центра, все из себя такие сэры-пэры, на де-нежных мешках сидят.

– Чего же она в такой заднице делала?

– Да тут какое дело...

Алла замолчала на секунду, наслаждаясь сплетённой интригой. Работающий экран древнего терминала отбрасывал на её лицо цветную тень.

– Из дома она сбежала!

– Вот как! – Пётр почесал затылок.

– Да-да. Почему, точно не знаю. Мне-то, сам понимаешь, никто всё в подробностях не расписывает. Так, слышала кое-что.

– Ясно.

– И всё равно непонятно, чего такое девчонка сотворила. Зачем в осень-то из дома бежать? Самоубийца, что ли? Или из этих? – Алла покрутила указательным пальцем у виска. – К тому же вы с Виктором постарались, конечно.

Она вздохнула, покачала головой и принялась расправлять складки на рукавах.

– Ты про...

– А то! Кто её поджарил-то так? Не я же! Это ж надо так постараться! Всё лицо аж чёрное от крови было.

Алла показательно потрясла плечами и вдруг задумалась о чём-то, сведя брови. Цветная тень скрывала половину её лица.

– Так чего? – спросил Пётр.

– Короче, забрали тело. Чего-то там с ним делать будут. А может, и не будут. Может, родители просто подсуетились, потому и забрали. Пока всё. Но, боюсь, это ещё не конец истории. Странно, что вас до сих пор не вызвали.

– Край?

Алла кивнула.

– Ага, он.

– Этого ещё не хватало.

– А почему так вышло-то? Не могли нормальное какое объяснение накатать? В тот раз отчёт Вик подавал, так он...
– Алла наклонилась к терминалу и нажала несколько клавиш. – «Замёрзла насмерть. Посмертные конвульсии. Пришлось использовать разрядник». Разрядник – чего это? Или он так эту палку...

– Да.

– Зря он про этот разрядник начал, конечно... Короче, ей когда вскрытие сделали, сказали, у неё каша вместо мозгов. Так бы, может, и не обратили внимания, у нас тут клиентов этих, сам знаешь, сколько, но тут ведь такое дело, из богатой семьи девчонка...

– Вот дерьмо!

– Да, может, обойдётся ещё! Вик в тот раз был по этому делу? – Алла шлепнула себя пальцами по шее. – И поразвлекаться решил с разрядником этим своим?

– Да нет. Он молодец на самом деле. Всё правильно сделал.

– Ага. Спелись, значит.

Из коридора доносились чьи-то задушенные голоса – казалось, люди из последних сил пытаются изображать беседу несмотря на то, что воздух в закупоренном помещении весь вышел.

У Петра снова разболелась голова. Он потёр ладонью лоб.

– Не в этом дело. Она ж не просто из-за шунта подёргивалась. Посмертные конвульсии! Какие там к чёрту конвуль-

сии! Она билась, как рыба на мели! А потом вообще на ноги встала.

– Да ладно! Встала на ноги? Мёртвая?

– Я бы и сам не поверил. Вик тоже говорил, что раньше такого не видел.

– Ой! – Алла взглянула на Петра исподлобья. – Не знаю, чего вы там видели и что до этого употребляли, но я бы вам посоветовала, если вызовут, о таком не говорить. А то обоих в то самое место отправят!

– Это уж точно!

– Да обойдётся всё! – махнула рукой Алла. – Девка глупая, из дома сбежала. Мало ли чего у них там в семье творилось! Группу вызывать оснований не было. Чего вызывать-то? Да и куда? За кольцо, что ли? В принципе к вам никаких претензий быть не может.

– Захотят – найдут. А когда Светка-то придёт? Она хоть предупреждала?

Алла поёжилась и обняла себя за плечи.

– Курва такая! Жалобу на неё напишу! Ни с кем больше таких проблем не было!

– Да вроде хорошо сидим.

Пётр вытащил из кармана пачку сигарет, но тут же убрал обратно.

– Ты кури, если хочешь, – сказала Алла. – Мне не мешает. Детекторов нет. Всем...

– Всем по фиг, – закончил за неё Пётр.

Он закурил. Алла соорудила для него пепельницу из язвенно-жёлтой салфетки.

– А ты помнишь, – Пётр выдохнул дым, – я о кристалле спрашивал? Забавный камешек такой?

– Помню, конечно. Позавчера ж было. – Алла сузила глаза. – У неё, что ли, вытащил?

– Да выпал он, видно, когда она там плясала.

– Зря ты всё это затеял, конечно. Впрочем... – Алла воровато покосилась на дверь. – Угостишь сигареткой?

Она зажала сигарету двумя вытянутыми пальцами, как в старых фильмах, приложила её к губам и наклонилась к зажигалке Петра.

– Толку-то от кристалла этого? Или ты сам порасследовать хочешь?

Тяжелый, синеватый дым медленно поднимался над столом, над включённым терминалом, как будто пыльная техника потихоньку плавилась от нагрузки, истошно мигая сигнальными лампочками.

– Любопытно просто, – пожал плечами Пётр. – Да, знаю, чего ты скажешь. Но уж что есть, то есть.

– Ничего не скажу. Чего говорить-то? Любопытно – значит любопытно. А что...

Алла ещё раз затянулась и закашлялась.

– Ох и гадость!

– Пардон.

– А что спросить-то про кристалл хотел? Не ходил к этим

мастерам-ломастерам?

– Ходил. Даже... – Пётр задумался на секунду. – Я думал, призрак на кристалле – это вроде как двойник хозяина, этакая копия виртуальная?

– Обычно да. А чего?

– Там не так. Там призрак – девушка, примерно того же возраста, но вот выглядит она иначе.

– Ох, Пётр! – Алла вытащила из стола ещё одну салфетку и затушила в неё недокуренную сигарету. – Уже посмотрел даже? Быстро ты! Вообще, конечно, не советовала бы я тебе туда лезть. Чего ты так добьёшься-то? Только вопросы к тебе лишние будут. Забей! Пусть вон орлы наши этим занимаются.

– Это всё понятно. Просто странно немного. Двойник, который на самом деле не двойник.

– У них там модно теперь так. Или ей не нравилось, как она выглядит.

– Она красивая была.

– Петь! – Алла наклонилась к Петру. – Не забивай голову! Я ж говорю, модно теперь так. У меня дочка всем этим очень интересовалась. У них штуки такие специальные есть, конструкторы, как в игрушках. Можно другую внешность себе сотворить, какую хочешь. Типа двойника, который не двойник, как ты говоришь.

Пётр покачал головой.

– А девчонку жалко, конечно, но она умерла.

– Вопрос, как она умерла.

– Петь, выкинул бы ты всё это из головы! Мерзлячки, призраки... Чего тебе спокойно-то не живётся?

Дым попал Петру в глаза, и он с силой зажмурился.

– Слушай, – сказал он, – а ты не знаешь, кристалл может как-то запомнить, чего с его хозяином происходит? Ощутить это как-то, когда в кармане лежит, и записать?

– Нет вроде, – удивилась Алла. – Не пишет он ничего, насколько я знаю. А с чего ты...

– Мне вчера показалось на секунду, что призрак помнит, чего с девчонкой той произошло. Как будто...

Хлопнула далёкая дверь, и из коридора послышался перестук тонких каблуков – появилась Светка.

Пётр проснулся от духоты – забыл опустить шторы, и колючее дневное солнце теперь слепило глаза. Он лежал на кровати и никак не мог прийти в себя после короткого, но изматывающего сна.

Он помнил, что ему снилось.

Улица, узкая, как чёрный коридор, сквозь которую, царапая колёсными дисками высокий бордюр, продирался служебный фургон. Кривые бордюрные камни, потемневшие, точно гнилые зубы, со скрежетом врезались в колёса, пытаюсь остановить машину. Пётр видел самого себя со стороны – он сидел за рулём фургона, упрямо вдавливая в пол педаль газа. Из-под днища машины сыпались искры. Вика поначалу не было; вместо него на пассажирском сидении валялась старая фляжка. Но потом, когда скрежет от колёс стал до невыносимого громким, Вик неожиданно объявился, как призрак, почесал бороду и сказал:

– Мёртвое есть мёртвое.

– Не согласен, – сказал Пётр.

И проснулся.

Он поднялся с кровати и проверил радиатор. Отопление заработало в полную силу, однако и дышать теперь стало нечем. В спальне пахло потом и пылью, от солнечного света резало глаза.

Пётр перебрался в гостиную, зашторил окно и разлёгся на диване. На обеденном столе валялся дзынь, похожий на вырванную с кишками деталь от неизвестного механизма.

Пётр включил минбан и, лениво покачивая кистью, переключал каналы. Днём как обычно крутили выжигающую мозги дрянь. Музыкальные клипы, в начале которых выводилось непременно предупреждение для страдающих эпилепсией. Рекламные ролики с кислотной гаммой, где люди не были похожи на людей.

Наконец Пётр нашёл какой-то старый фантастический фильм. Главный герой, детектив, искал пропавшую девушку. У него не было ни семьи, ни друзей – только расследование, которое он вёл.

Действие происходило в надуманном городе, где никогда не вставало солнце. Небо скрывала плотная поволока багровых, с пепельными прожилками туч. Этот непонятный катаклизм называли «мглой». Из-за «мглы» началась эпидемия самоубийств. Спасали лишь специальные кабинки с неким фантастическим, похожим на счётную машину устройством, к которому крепилась на витом проводе маска, напоминающая чем-то проволочный дзынь Петра. Клиент заходил в кабинку, в обязательном порядке закрывал за собой сдвигающуюся гармошкой дверь, напяливал на себя маску и несколько секунд корчился от наигранной боли, тряся руками и головой. И всё это в гробовой тишине. При регулярном посещении кабинок желание наложить на себя руки исчезало, но

появлялись другие проблемы – у кого-то отказывали глаза, у кого-то шла горлом кровь.

Пётр ненадолго провалился в сон, а когда пришёл в себя, то обнаружил, что главный герой тоже идёт к кабинке. Вот он останавливается, сплёвывает сигарету, расплющивает её ботинком и вздыхает. Крупным планом демонстрируется его лицо – исхудавшее, как после мучительной болезни. Герой закрывает глаза. Заменяя мимику, по его опущенным векам проносятся яркие отблески – синий, зелёный, красный. Это играет, затихая и разгораясь, газовая вывеска над кабиной. Герой ещё раз вздыхает – эпизод настолько затянут, что желание спать становится непреодолимым – и открывает дверь кабинки. Камера снова показывает его лицо и город на заднем плане, замыленный, точно на плохой фотографии. Серые коробки домов громоздятся друг над другом, сливаются в единую безобразную конструкцию, вроде вырванного с проводами куска перепаянного текстолита. Круглосуточные огоньки неоновых реклам напоминают искрящие контакты. Высокие башни с алыми маячками на крышах – тлеющие сигаретные бычки. Герой делает шаг вперёд, заходит в кабинку. Дверь с тонированным стеклом сдвигается, и город за его спиной застилает синяя тень.

– Чего за херню ты мне впарил?

Пётр швырнул дзынь на стол. Паренёк в драной дохе испуганно сжался.

– Ты чё, отец?

– Он не работает! Там один сплошной глюк!

Внутри дзыня что-то раздражённо пощёлкивало – как обратный отсчёт у бомбы с часовым механизмом. Проволочный каркас заметно примялся от удара.

– Глюк? Какой глюк? – У парня собрались на лбу неожиданно глубокие морщины. – Не подрубается? Но мы же...

– Подрубается, но потём ни хера не работает! Призрака трясёт, он то в пол проваливается, то лицо у него...

Пётр не договорил.

– В пол проваливается?

Парень выпростал из дохи дистрофичные руки, поднял дзынь и принялся осматривать его на тусклом свету.

– Позиционка тут надёжная, реально. Простая, но надёжная. Швыряешь небось постоянно, как щас? Камеру с датчиками не расколел?

– Не расколел! – огрызнулся Пётр. – Разговаривать с призраком невозможно! Его клинит постоянно. Одно и то же всё время талдычит. Как запись испорченная, как...

– Запись испорченная?

Парень бережно положил дзынь на стол, вытащил из дохи грязный платок и высморкался.

– Да, как запись.

– Так, может, она реально испорченная? Чё на дзынь-то сразу?

– Слушай! – Пётр упёрся руками в затрещавший стол. – Я тебе не идиот! Эти штуки либо работают, либо нет. Сейчас ты мне вешать будешь, что это у меня проблемы?

– Старичок, – парень как-то странно, не по-человечески оскалился, – я те ничё вешать не собираюсь. Не сработало – жаль. Чё теперь от меня-то хочешь? Послайсись-таки? Деньги вернуть?

– Возвращай!

– Думаешь, я против? Ты у меня ваще его за бесценок отжал! Да там аккумулятор дороже стоит! Про картофан я уже молчу!

– Значит, рад должен быть, что я тебе эту хуйню возвращаю.

– А я чё, не рад? Отжал, теперь права качает! – Парень скосил взгляд куда-то в сторону, словно жаловался на Петра в собравшуюся вокруг него темноту. – Вот только...

– Начинается!

– Мужик, ну вот прям щас денег у меня нет. Мне за аренду надо платить, жрать чё-то надо, аккумулятор вот новый прикупил сёдня. Ты давай так, – парень любовно погладил дзынь, – я эту штучку пока у себя придержу, а ты приходи ко мне,

скажем, через неде...

Он не договорил. Пётр схватил его за грудки. Парень по-девичьи взвизгнул, распластавшись по столу – он оказался куда легче, чем можно было подумать, – но тут же уставился на Петра злобным горящим взглядом.

– Отпусти, сука! Мать твою! Или я...

– Или что? – хмыкнул Пётр, но всё же отпустил парня, толкнув его к стене.

Тот едва не рухнул на пол, но вовремя вцепился в столешницу. Негромко выругался, поправляя спадающую с плеч доху.

– Вот же... – пробормотал парень и полез за сигаретой. Руки у него тряслись. – Чё ты бычишь-то? Нет у меня денег, реально. Ну хошь я...

Он страдальчески согнулся. Доха сползла ему на голову, превратив его в грудку грязного свалывшегося меха.

– Хошь я те линию кредитную открою? – Под столом загремела знакомая пластиковая коробка. – Или чё другое пригляди себе тут. А часть – деньгами.

– Так не пойдёт!

– Блин! – Паренёк зажёл сигарету. – Тут те не фирменный салон с двухнедельной гарантией! Я чё сделаю-то? Денег нет, торговля плохо идёт. Да и мне ещё жрать чё-то надо сёдня.

– А ты кури поменьше, глядишь на жратву останется! И хлам, – Пётр покосился на заваленные разломанной техникой полки, – не надо продавать!

Дым попал парню в глаза – тот зажмурился и стряхнул пепел под стол. Сигаретка в его тонких пальцах задрожала.

– Ты мужик непробиваемый, я гляжу! Но дзынь работает. Я его много раз проверял. Я с тобой ваще, как с человеком. Вон аккумулятор какой крутой поставил! А ты...

Парень вздохнул и, смешно вытянув губы, присосался к сигарете.

– Хватит на жалость давить! – скривился Пётр.

– Ну а чё? Дзынь реально работает. Хошь проверю? – Парень плюнул на сигарету и метнул её в мусорное ведро. – Давай! Может, ты там чё не так делаешь?

– Две кнопки. Чего там можно не так сделать?

– Ну давай! Ничё ж не теряем!

– Проверь! – махнул рукой Пётр. – Хер с тобой. Только быстро.

Паренёк попытался натянуть дзынь, тот не налез. Тогда он выудил из коробки длинную отвёртку и стал распрямлять погнувшийся каркас.

– Зря ты швыряешь его так! Расколотишь совсем! Всё ж нормально было сделано.

Острый конец проволоки укусил парня за палец – тот ойкнул и потряс над столом кистью.

– Ты проверяй давай! – подгонял его Пётр.

– Ну так камешек дай!

Пётр положил кристалл на стол. Парень отбросил в коробку отвёртку, схватил обеими руками дзынь и церемонно во-

друзил себе на голову, точно игрушечную корону. Помедлил с секунду, поправил дзынь и надавил порезанным пальцем на кнопку.

– Так, камешек теперь... – Он поднёс кристалл к забралу шлема. – Стоп! А это чё?

Парень снял дзынь и присмотрелся к кристаллу.

– Бля! Да ты, ёлки, комедиант! Он же реально битый! Ну бля, битый конкретно!

– Подключение было, призрак появился. Значит, всё работает.

– Не понял, – мотнул головой парень.

– Но ведь эти штуки, вся эта модная хрень... – Пётр нервным движением пригладил волосы на затылке. – Они либо работают, либо нет. Не может же он наполовину...

– Да кто те такую чушь сказал! – Парень потряс кристаллом у Петра перед лицом. – Там чё угодно может быть! Это ж тебе не просто картофан какой-то! Там небось чип накрылся или работает на сниженных частотах. Или ещё чё...

– И чего делать теперь?

– Надо было всё сразу при покупке проверять! – осклабился парень. – А теперь-то...

– Вот только хватит! – рявкнул Пётр. – Сделать с кристаллом ничего нельзя? Он сломан?

– Сломан, реально сломан. Видно ж по нему. Ты его тоже швырял, да?

– А починить?

– Издеваешься? Тут лаборатория нужна! Да и ваще... Не слышал я, чтоб кто-то эти штучки чинил. Ну там послайсить ещё чё можно, наверное. Слегка так. Или как-нибудь на новый кристальчик перегнуть, но я такого добра не держу. Да и стоят они...

– Вот же херня!

Парень полез в карман за новой сигаретой, вытащил – снова помятую и захватанную, так, словно выклянчивал их у кого-то по одной, – сунул в рот, но не закуривал.

– Есть ваще способ, – неуверенно начал он.

– Чего за способ?

– Гарантий нет! – Парень раскрыл ладони; на одном пальце зрела капелька крови. – Но может помочь. Слышал я о таком. Иногда вообще очень даже круто всё выходит...

– Не тяни!

– Нагреть его надо. Несильно ток. И тады, может, малость поработает. Потом, конечно, опять глюкодром.

– Нагреть?

– Ну да. Например, в стакан с горячей водой его. Самое простое. И дольше протянет так. – Парень зажёл сигарету. – Они водонепроницаемые всё равно. Жаль, что не противударные.

– В стакан с горячей водой?

– Ага. Ток долго греть тоже не стоит, а то вконец скоптитя. Ну и это, никаких...

– Никаких гарантий. Я понял.

Пётр спрятал в карман кристалл.

– Но ты бычить-то не начинай, если чё! – сказал парень, выдыхая дым. – Я ж помочь хочу! Всё для любимых клиентов!

Пётр молча взял дзынь и направился к выходу.

– Ток это, – окликнул его парень, – в стакан с горячей водой, а не как-нибудь там ещё! Не вздумай в микроволновку его!

И загоготал.

Пётр насилу дожевал рыбный брикет и вытер ладонью рот. На сей раз брикет напоминал, скорее, протухшую говяжью печень, чем рыбу. Можно было подумать, что на фабрике забыли о том, какова рыба на вкус. Пётр плеснул в стакан водки и осушил одним глотком, надеясь избавиться от мерзкого послевкусия, но даже водка не помогала. Он встал, положил в раковину пустую тарелку, от которой всё ещё воняло гнилой печёнкой, вернулся за столик и закурил.

На улице давно стемнело. День для города завершился – на дороги выехали патрули СК, его коллеги в ржавых расхристанных фургонах, – а он только что расправился с поздним завтраком. Улица была черна. Густая сажа и неразборчивые серые мазки – полоска неба, панельные дома. Над улицей проступали, точно наложенные изображения, его лицо в клубах дыма, старая микроволновка с приоткрытой дверцей, бутылка водки на столе.

– Добрый день! – сказал Пётр отражению и потянулся к бутылке.

Его двойник согласно кивнул. Другой, параллельный стакан возник из пустоты, покачнулся, предлагая ответный тост, и исчез, затерявшись в бликах.

Вкус тухлой печёнки наконец сменила водочная горечь. Правда, после нескольких затяжек разошлось сердце. Под-

няв кисть с сигаретой, Пётр увидел – в отражении, поверх темноты, – как трясутся пальцы.

Пошла уже третья неделя после перевода, но к новому графику он привыкнуть так и не успел. Ночью боролся со сном. Днём страдал от бессонницы. Наверняка и сердце пошаливало от ночной работы.

Пётр с сожалением потушил сигарету, налил в стакан воды из-под крана и поставил в микроволновку. Режим разморозки. «Начать приготовление». Микроволновка засветилась, погудела и, негромко звякнув, погасла.

Пётр вышел в гостиную с двумя стаканами. Один – с водкой. Второй – с разогретой водой. Дзынь ждал его на диване. Пётр поставил стакан с водой на стол, бросил в него кристалл, а сам уселся на диван.

– Сеанс номер два, – усмехнулся он и нацепил дзынь.

Сеанс.

Уже нажав на синюю кнопку, Пётр подумал, что стоило сначала установить соединение с кристаллом и только потом кидать его в мутную воду, где его с трудом получалось разглядеть, но дзынь легко справился со своей задачей. В стакане с водой запульсировала красная точка.

Варианты авторизации.

Пётр нарисовал в воздухе спираль.

На сей раз Синдзу появилась посреди комнаты. Она стояла рядом со столом. Её худое мальчишеское бедро упиралось в столешницу.

– Привет, – сказал Пётр и, выдохнув, глотнул водки.

Тошнота после омерзительного перекуса отпустила, но в груди нарастала тяжесть. Пить больше не стоило. Но выпить хотелось.

– Привет, – повторил Пётр.

Синдзу качнула головой – так, словно только что его заметила – и улыбнулась.

– Привет. Ты – другой.

– Знакомая песня! Я – другой, я – не такой. Скажешь чего-нибудь новое или как?

Синдзу постучала пальцами по столешнице. Пётр отчётливо услышал, как её ногти касаются пластиковой поверхности стола.

– Но ты знаешь волшебство, так что...

– Чего-нибудь новое! Пожалуйста, скажи мне чего-нибудь новое!

Пётр отхлебнул водки и кашлянул в кулак. Синдзу чего-то ждала, глядя на него с надменной улыбкой. Постукивала ногтями по столешнице.

– Расскажи о себе, – попросил Пётр.

– Я, – Синдзу прислонила к груди ладонь, – Синдзу. А ты...

– Ты – Синдзу, я – другой! Это я уже знаю. Расскажи про свою хозяйку.

– Хозяйку?

Между бровей у Синдзу прорезалась тревожная морщин-

ка. Она стала расхаживать по комнате, зябко потирая худые плечи. Двигалась она красиво и плавно – даже слишком плавно, словно искусно подражающая движениям человека кукла. Ноги больше не проваливались в пол.

– Девушка, которая тебя записала. Создала. Не знаю, как объяснить. Ты знаешь, что с ней...

Пётр не договорил и заглянул в свой стакан – из-за дзыня водка казалась синей, как техническая жидкость.

– Ты имеешь в виду мою подругу, – Синдзу остановилась, – мою Пан-Йон. О, – она мечтательно посмотрела в потолок, – я так много могу о ней рассказать.

– Твоя пан... Подруга, хорошо. Расскажи мне о ней. Почему она сбежала из дома?

– На то было много причин. Я расскажу, да. Прежде всего – мы решили это вместе. Это было наше совместное решение, меня и Пан-Йон.

– Вы решили вместе?

– Да, – кивнула Синдзу. – Нам было очень плохо там. Очень плохо. – Она обхватила себя за плечи. – Мы страдали там. Пан-Йон страдала там каждый день. Мне было тяжело смотреть, как она страдает там.

– Её что, били?

– Там всё было просто. Понятно и просто. Слишком понятно и просто. Ты понимаешь?

Синдзу резко обернулась, но посмотрела не на Петра, а куда-то в сторону, на оконную раму.

– Ты понимаешь? Там не было настоящей жизни. Ведь жизнь – это выбор. Без выбора нет жизни. Ты согласен?

– Допустим. Продолжай.

– Мы мечтали о настоящей жизни. Жизни, полной возможностей.

Пётр снова приложился к стакану. Руки у него тряслись.

– И какие же возможности она получила? Возможность сдохнуть?

– С Пан-Ион теперь всё будет хорошо, – быстро заговорила Синдзу. – Всё будет хорошо. Обязательно. Ведь жизнь...

– Она умерла! – перебил её Пётр. – Я расследую обстоятельства её смерти!

Синдзу уставилась на него пустыми тёмными глазами.

– С Пан-Ион всё будет хорошо, – невозмутимо повторила она. – Наш мир не был реален. Ведь всё происходящее – всего лишь сон. Сон, в котором она не могла найти себя. Ты понимаешь?

Синдзу подошла к дивану и наклонилась к Петру. Чёрная чёлка упала ей на лицо.

– Ты понимаешь?

Пётр вздрогнул.

– Понимаю. Она сошла с ума.

Он сделал глоток и стиснул стакан, как оружие, словно боялся, что Синдзу набросится на него – ведь в этом закрашенном синевой мире она была не менее реальна, чем он сам.

– Где она жила? – спросил Пётр.

– У подруги.

– Адрес подруги?

– Я не обладаю этой информацией, – монотонным голосом ответила Синдзу и отошла в середину комнату.

Она вновь прислонилась бедром к столу.

– И чем она занималась? Как искала эту свою подлинную реальность?

– В Сень-ши.

– В синьке! – фыркнул Пётр. – Кто бы сомневался!

– И мы были не одни!

Синдзу покачала над головой указательным пальцем, но жест этот, словно записанный для другой модели, получился в исполнении худосочной девушки неестественным и комичным.

– Нас было много. И мы...

– Кого это – нас?

– Трёхцветная радуга! – Синдзу всё ещё держала над головой руку с вытянутым указательным пальцем. – Там, где начинается трёхцветная радуга, мы...

– Какая ещё бесцветная радуга? – Пётр осушил залпом стакан. – Чего ты несёшь?

– Есть много других, таких, как мы!

Синдзу сделала вид, что набрала в грудь воздуха, хотя никакого воздуха в этой притворной реальности не было.

– Пан-Ион смогла найти их в трёхцветной радуге. Она была так счастлива, когда, – Синдзу перекрестила ладони, при-

жала их к подразумеваемому сердцу, – рассказывала мне об этом. И теперь мы вместе с ней...

– Да чего ты мелешь? – поморщился Пётр. – Какая на хер трёхцветная радуга?

– Трёхцветная радуга... – Синдзу вскинула голову и заговорила с придыханием, точно читала стихи: – Там, где начинается трёхцветная радуга, мы вместе с Пан-Йон...

– Ты, сраная электронная дура! – Пётр сплюнул накопившуюся во рту желчь. – Она умерла, ты понимаешь! Сдохла! Её больше нет!

Он поднял стакан, но там уже не было ни капли.

– У-мер-ла? – медленно, как испортившийся механизм, произнесла Синдзу и слепо уставилась в стену над головой Петра. – Умерла, – повторила она, но губы её уже не двигались. – Нет, ты не понимаешь. Пан-Йон...

– Опять начинается, блядь! – крикнул Пётр.

Синдзу шагнула к дивану, но вдруг переломилась в талии, как будто её разбил паралич. Её скрученные руки застыли в воздухе. Шея страшно истончилась, превратившись в переплетение вздувшихся жил. Голова с налезавшими на лицо чёрными волосами свесилась вперёд. Глаза безумно загорелись.

– Но Пан-Йон, – успела произнести Синдзу, прежде чем Пётр отрубил дзынь, – не может умереть.

Пётр прикончил бутылку и заснул на диване под утро, когда начинало светать. Разбудила его духота. Он попробовал встать, но споткнулся и свалился на пол. Расшиб колени и кисть.

Его мутило. Внутренности словно разъело кислотой. В любой момент его могло вывернуть наизнанку. Он присел на колени, глубоко вздохнул и задержал дыхание, но это не помогло.

Рядом валялся включённый дзынь.

Изнанка забрала тускло светилась, отбрасывая на пол угловатую синюю тень. Призрак был ещё там – изуродованный сбоями в программе. На секунду Петру захотелось надеть дзынь и проверить, но он представил искалеченную девушку с поломанными руками и разошедшейся кожей на лице, представил, как она монотонно, вроде громкоговорителей в трубе, повторяет, что он другой, другой, другой, а Пан-Ион умереть не может.

Пётр поднял с пола дзынь и нажал синюю кнопку на забрале. Аккуратно, как тот паренёк из магазинчика, положил дзынь на стол.

И замер, соображая, что нужно делать дальше.

Он принял душ – ледяной водой, от которой заныли суставы. Его тошнило. От пульсирующей боли в висках перед

глазамиплыли кровавые пятна, но сердце пока не беспокоило – пульс был на удивление спокойным и ровным.

Он оделся и вышел на улицу.

Уже смеркалось. Солнце тонуло в дыму над домами, ни один из фонарей не горел. Пётр шагал навстречу сумеркам, спускался в тень. Ближайший магазин был всего в паре кварталов – несколько минут быстрым шагом, – но даже этого времени хватило, чтобы промёрзнуть насквозь.

Холод вернул чувство реальности.

На ледяном ветру Синдзу с её приступами электронного безумия казалась поломанной дорогой игрушкой. Она даже не знает, что такое смерть – как маленькие дети, которые только учатся жизни. Пётр не понимал, зачем вообще пытается разузнать что-то о погибшей. Это уже не его работа. Его работа – собирать на улицах мерзляков.

Главное, чтобы они не поднимались на ноги.

Киоск, где продавали китайскую водку, работал. Над дверью мерцала газовая вывеска – единственный свет на всей улице. Вывеска мигала, точно праздничная иллюминация. Три разноцветных иероглифа – красный, синий, зелёный – гасли по очереди и разгорались снова, в неправильном, хаотичном порядке – красный, зелёный, синий, зелёный, красный.

Пётр сощурился – в сумерках даже неоновые трубки слепили глаза, – и потянул за ручку сдвигающуюся гармошкой дверь.

Мешок чуть не выскользнул у Вика из рук. Вик выругался, перехватил его покрепче. Петру досталась голова. Вику – ноги.

– Этот ебучий ублюдок раза в два больше нас весит! – прокряхтел Вик и сплюнул. – Вместе, блядь, взятых!

– Тащи давай, – сказал Пётр.

– Тащи, ага. Так вот грыжу себе заработаю, и дальше чё? Почётная, мать её, пенсия?

Пётр промолчал. Голова раскальвалась с похмелья. Он наглотался таблеток, но от них только захотелось спать – свалиться в кровать и пролежать несколько суток кряду.

Труп и правда непомерно весил. Здоровый мужик, ростом выше двух метров, превратился на морозе в кусок льда. Они с грехом пополам запихали его в мешок. И тащили, согнувшись от натуги.

Фургон Вик припарковал у обочины – не смог забраться на обледенелый бордюр.

– Давно я таких жиртрезов не видел, – проворчал он, когда они бросили мешок в кузов. – На хуя мы его ваще попёрли? Полежал бы тут себе. Это всё ты, правильный ты наш!

Вик шумно выдохнул и упёрся руками в колени.

– Сам же остановился, – сказал Пётр.

– Чё?

Вик моргнул и смахнул пот со лба.

– Да ничё! Пошли.

– А то я тут, блядь, ночевать собрался!

Вик распрямился и заковылял к водительской двери, потирая поясницу.

Пётр закрыл задние двери фургона и осмотрелся. Улица со слепыми фонарными столбами казалась чёрной и пустой. Фары фургона были здесь единственным источником света – разрядятся батареи, заглохнет подвывающий от натуги электромотор, и всё вокруг окончательно провалится в чёртову темноту, как в пропасть. За две с лишним недели в СК Пётр ни разу не видел за последним кольцом живого человека – только трупы, которые появлялись из ниоткуда, словно другая патрульная служба, на точно таких же фургонах, разбрасывала здесь по улицам мёртвых людей. Пётр вспомнил, что где-то неподалёку они нашли ту самую девчонку с шунтом.

Как будто это имело значение.

– Давай! – крикнул Вик, приоткрыв дверь. – Ты чё там?

Пётр забрался на пассажирское сидение.

– В порядке? – спросил Вик, трогаясь с места.

Фургон трясло – они ехали по сморщенному, как от ожогов, асфальту.

– Нормально.

– Бухал вчера?

– Так, для согрева.

Вик хихикнул.

– Я, кстати, прихватил с собой.

Пётр зевнул, прикрыв ладонью рот. Вик вытащил из кармана бутылку с тускло-зелёной, криво наклепленной этикеткой.

– Марочный, блядь, коньяк! – гордо выдал он, встряхнув бутылку.

– Китайское чего-то.

Пётр покосился на этикетку с золотистыми иероглифами.

– И чё? Сам же китайскую пьёшь! А это ваще! Охренеть, какой коньяк! Будешь?

Пётр покачал головой.

– Тогда мне открой.

Пётр нехотя скрутил пробку и осторожно принялся. Пахло чем угодно – йодом, торфом, – но только не коньяком.

– А это точно коньяк?

– Ой, да уж получше твоей бормотухи! – взвился Вик. – От этого хоть дырок в брюхе не будет!

– По-моему, это в́иски. – Пётр сощурился, глядя в горлышко, и всё-таки пригубил.

– Коньяк, в́иски, какая на хер разница?

Коньяк, или в́иски, был резким и горьким, как лекарство, но в груди разлилось приятное тепло, и Пётр, не удержавшись, сделал ещё глоток.

– Не будет он! – фыркнул Вик.

Пётр вернул ему бутылку, поудобнее устроился в кресле и прикрыл глаза.

– Всё? Готов?

– Иди ты!

Фургон занесло – электроника не успела сработать, – и Вик, не выпуская из руки бутылку, резко крутанул руль. Колеса завопили, и фургон несколько метров протащило по наледи. Из кузова послышались глухие удары – мешок с огромным трупом забился о стенки, будто пытался выбраться наружу. Как зомби.

– Вот ты даёшь! – Пётр вцепился в поручень на потолке. – Может, хоть бутылку отдашь?

– Хуй тебе, а не бутылка! – гаркнул Вик. – Всё под контролем! Вишь, ни одной капли не пролил! Тут же ваще вся электроника накрылась, мать её блядь! Чисто на мастерстве летим!

Вик поднял бутылку так, словно только что произнёс торжественный тост, покачал ей из стороны в сторону – при этом несколько капель всё же упало на приборную панель, – и сделал жадный глоток.

– Электроника, говоришь, накрылась?

– Накрылась на ху... – закашлялся Вик.

Они свернули в проулок, и огромный труп в кузове снова влетел в стенку.

– А чё это там бухает-то? – Вик вытер с губ пузырящуюся слюну. – Ты чё, трупяка не привязал?

– Забыл, – признался Пётр.

– Эт ты зря! – Вик снова приложился к бутылке. – Хотя

ладно! Хер с ним! Ему ведь уже всё равно, ведь так?

– Так чего с электроникой-то?

Вик вручил Петру бутылку, Пётр глотнул вонючего виски и вдруг заметил, что экран на приборке, который раньше постоянно менял яркость, горит теперь равномерным тусклым светом. Но навигатор ещё работал, вычерчивая их путь поверх схематичного, поделённого на пустые квадраты города.

– Автопилоту – пиздец! Неремонто... – Вик кашлянул. – Короче, починить нельзя, чёт там накрылось конкретно. Только весь блок этот ебучий менять – но это, когда до нас очередь дойдёт. А когда она там дойдёт...

Он подмигнул Петру и схватил пятернёй воздух, требуя бутылку обратно.

– Надо бы тогда ездить поаккуратней, – сказал Пётр и тут же сам рассмеялся.

– Ага! – осклабился Вик. – И не бухать за рулём!

Они свернули на соседнюю улицу. Вик повернулся к Петру. Он ухмылялся, наверняка придумав очередную пошлую шутку, которую не терпелось рассказать. Однако ничего не рассказал. Улыбка его превратилась в кривой оскал. Он скользнул куда-то глазами и тут же ударил по тормозам. Завизжали колёса, фургон повело. Пётр ударился плечом о дверь. Вик расплескал по приборной панели виски.

– Какого хуя?! – Пётр уставился на Вика. – Совсем крышу сорвало?

– Ты чё, слепой?! – крикнул Вик и вылетел из кабины.

Пётр, ничего не понимая, вылез вслед за ним. Вик остановился в нескольких метрах от фургона. Свет от единственного во всём квартале фонаря подсвечивал кружащийся над головой снег. Вик по-прежнему держал в одной руке бутылку – так, словно протягивал её кому-то. На вот, прихлебни для согрева. А от холода и правда ломило кости. Поднимался ветер, в лицо летела снежная пыль.

Пётр застегнул куртку до самого подбородка и шагнул к Вику.

– Ты чего? – спросил Пётр. – Чего там?

И тут увидел сам. Кто-то шёл им навстречу по тротуару. Молодой парень в огромной дутой куртке с переливающимися каракулями на груди и натянутой на брови чёрной шапке. Фонарь ярко высвечивал его фигуру на фоне крапчатой, собирающейся складками темноты – серых бетонных стен, чёрных провалов между домами, – но в то же время было сложно избавиться от странного чувства, что в действительности никого, кроме Петра и Вика, на улице нет.

– Чего за херня такая... – Пётр потёр ладонью лицо.

Парень шёл, как при замедленной съёмке, монотонно переставляя ноги, и смотрел, не моргая, прямо перед собой.

– Эй! – Вик, кашлянув, убрал наконец за пазуху бутылку. – Мы из эска! Ваши...

Он не договорил. Парень в дутой куртке прошествовал мимо, даже не обернувшись. Глаза его слепо смотрели в темноту.

Пётр преградил ему дорогу и схватил за плечи.

– Пацан, ты чего?!

Он встряхнул парня, и голова у того откинулась назад, а мёртвый взгляд – чёрный, холодный – вперился в пустое небо.

– Он чего, под кайфом? – проговорил Пётр и тут заметил у парня маленькую татуировку в виде иероглифа на шее. – Шунт, мать его!

Вик встал позади парня и легонько шлёпнул его по затылку. Голова парня послушно упала вниз, как у поломанной игрушки, и упёрлась в грудь подбородком.

– Он чего... – Пётр отпустил парня и попятился от него, как от чумного. – Он чего, тоже мёртв?

– Да не, хорош хуйню нести! Он – там! – Вик покрутил пальцем у виска. – В анналах этих ебучих!

– Где?

– В астралах! Я такое уже видел. У него червяк же! Видишь? Да и взгляд этот... У меня с бывшей тоже такое было. Сеть какая-нибудь кривая. А чё – зашёл, защита не сработала, а там тебя потём и плющит так, что в зомбака превращаешься.

Парень теперь уже не пытался двигаться, а стоял, повесив голову, разглядывая тёмный лёд под ногами.

– Он нас не видит и не слышит? – спросил Пётр.

– А хуй его знает! Я чё, специалист, по-твоему? Физик этот, или как его там... – Вик потёр затылок. – Надо группу

вызывать.

– Да уж...

– На вот! – Вик отдал бутылку. – Хлебни.

Пётр жадно отпил.

– Надо бы в фургон его затолкать. – Вик забрал наполовину опустевшую бутылку, глянул в горлышко, прищурился, но почему-то решил не пить и спрятал её в карман. – Интересно, сам он пойдёт?

– В фургон? К трупу?

– Да он сам как труп, мать его блядь! Еще б полчасика и скопытился бы на хер! Давай!

Вик грубо подтолкнул парня по направлению к фургону, и тот действительно сделал несколько коротких шажков. Кажется, парень уже окоченел, превратился в ходячий труп и неспособен двигаться быстрее.

– Реально, как зомби! – Вик снова толкнул парня.

Шаг. Ещё шаг. И парень опять замер, упёршись в невидимую стену. Однако шею он выпрямил и смотрел теперь тёмными запавшими глазами на ободранный фургон. Ветер кружил поблёскивающие на свету снежинки у него над головой.

Пётр открыл задние двери фургона. Труп рослого мужчины лежал поперёк кузова, согнувшись так, словно переломился от удара. Вик тем временем, чертыхаясь, подталкивал парня в спину. Из-за света от фонаря – дрожащего, как на старом телеэкране, – тень Петра двоилась и растягивалась по грязному полу фургона. Ветер заносил внутрь серый снег.

Парень дотелепал до самых дверей и остановился. Пётр и Вик приподняли его за плечи. Парень послушно шагнул в труповозку, упёрся в чёрный мешок и замер, уставившись мёртвым взглядом на валяющееся у него под ногами тело.

– Бред какой-то, – прошептал Пётр.

Он усадил парня на скамейку, как безвольную, насилу сгибающуюся в суставах куклу. Вик следил за ними, нервно расчёсывая бороду.

– Да уж! – проговорил он. – Нормальненькая такая приёмка! Чёт одна хуйня с нами происходит!

Все ремни безопасности на скамейке были выдраны, лишь от одного остался закреплённый на потолке шлейф с рваными, точно обкусанными краями. Было понятно, что, если они сдвинутся с места, парень тут же свалится на пол.

– Ты уверен, что это из-за шунта? – спросил Пётр.

Он присел перед парнем на четвереньки и поводил у него перед глазами пальцем. Никакой реакции. Парень тупо таращился в потолок.

– Да ни хуя я не уверен!

– Такое впечатление, что он...

– Мёртв?

Руки у Петра похолодели. Вик хрипло, с надсадой закашлялся и сплюнул себе под ноги.

– Мёртв? – повторил он. – Как та девица? Ты знаешь, это ведь ваще не наше дело! Мы паренька подобрали. Всё, приёмка прошла. Пусть эти...

– Да кто эти? – Пётр повернулся к Вику. – Чего делать-то теперь? Группу вызывать? Самим везти? Дай браслет, хоть проверим.

– Браслет? – прищурился Вик. – А на хера такое счастье?

– А чего не так-то?

– Да всё, блядь, не так! Ты серьёзно зос хочешь печатать? Нас после такой приёмки в дурку упекут!

– Хоть проверим...

– Да ни хера мы не проверим! Опомнись, бля! Браслет у меня тот, запасной типа.

– И чего?

– Да убитый он! Я его тебе щас поставлю, и он тоже метку эту чёрную выдаст. Толку-то от него сейчас.

Вик нервно почесал ногтем седую порось на щёках.

– Вот дела! Ты хоть заявил об этом?

– Заявлю, заявлю. Уже второй браслет за три месяца. Они мне там проведут ректальную стимуляцию.

– А как мы так работать-то будем?

– Да чё ты ваще привязался? На хера нам браслет? Парень вон ходит, сидит...

– Та девчонка тоже ходила.

– Да лан, живой он! – неуверенно сказал Вик. – Точно тебе говорю!

Пётр коснулся ледяного запястья парня.

– Пульс! – Вик захрипел и несколько раз кашлянул, прочищая горло. – Ты чё, врач? Это ничё не подтверждает! Мо-

жет, ты там это, не поймёшь чё...

– Да чего не пойму-то?

– Не предусмотрено, блядь, должностной инструкцией таких ситуаций... – Вик вцепился в бутылку, но пить не спешил, – ...ситуаций, когда два долбодятла, вроде нас, не могут понять, жив клиент или мёртв.

– Так чего делать-то? – Пётр всё ещё сжимал запястье парня. Ему показалось, что он чувствует слабую пульсацию. – Вроде жив он, не знаю. Похоже, пульс есть.

– Не повезу я его, – помотал головой Вик. – Окочурится по дороге. Короче, я группу вызываю.

Вик спрятал бутылку в карман, так и не выпив, и заковылял к водительской двери.

– Давай, – сказал Пётр и вылез из фургона.

Парень не двигался. То, что несколько минут назад влекло его в слепую тьму улицы, – упорно, вопреки сковывающему движения холоду – теперь исчезло. Как если бы сменилась программа. Было даже не видно, чтобы он дышал. Но, скорее всего, это из-за огромной дутой куртки. Да. Пётр утвердительно кивнул головой, словно разговаривал с кем-то. Из-за куртки. Куртки с люминесцентными иероглифами, которые переливались на тусклом свете.

Смотреть на парня – бледного, промёрзшего насквозь – было тяжело. Пётр отошёл в сторону. Асфальт в той части дороги, где они остановились, проседал – под тяжестью времени и собственного веса, – света единственного фона-

ря не хватало, и их длинный фургон проваливался в темноту. Откуда-то из пустоты доносился хриплый голос Вика. Кашель. Бессвязная ругань. Алла Наверняка догадается, что Вик пьян.

Пётр закурил и тут же выплюнул сигарету. Сердце забило тяжело и неровно. В глазах потемнело.

Надо вернуться в тепло. Дождаться группы.

Пётр уже закрывал двери, когда парень вздрогнул. Грудь его выгнулась, руки неестественно взметнулись, как у марионетки, и упали на колени. Потом снова. Потом снова. Будто кто-то пытался завести его остановившееся сердце.

Пётр замер. Из темноты доносился раздражённый голос Вика:

– Да чё я тебе говорю-то!.. Слышь, ты меня...

Парень затрясся. Ударился затылком о стенку фургона. Из глаз у него брызнула кровь – тёмная, густая.

– Вик! – заорал Пётр.

Парня били разряды тока. Мышцы у него на лице сводило судорогой, губы страшно дёргались, чуть не разрывая на щеках кожу. Кровь хлестала из закатившихся глаз.

– Опять... – прошептал Пётр.

Внезапно парень рванул вперёд, врезался головой в потолок, застыл на секунду и повалился на пол, на чёрный пластиковый мешок, сложившись, как тряпичная кукла.

– Чё тут? – прокряхтел Вик, объявившись из темноты. – Он чё, взбесился?

Вик заглянул в кузов и приоткрыл от удивления рот.
– Крови-то... – выдавил он из себя.
Пётр молчал. Вик вытащил из куртки браслет.

– Слу-ушай, – протянул Вик, отпил кофе из хлипкого стаканчика и уставился на Петра, – слушай, а это правда, что у тебя пушка есть? Вот прям такая пушка!

Он собирался уже показать руками размеры пушки, но пластиковый стаканчик мешал жестикуляции.

Пётр хмыкнул.

– Тебе чего, Аллка рассказала?

– Ну-у, – Вик потёр затылок, – может быть.

– А какая разница, есть или нет?

– Чё, ответить не можешь?

– Допустим, есть.

Вик выглядел пьяным и больным, хотя Пётр не видел, чтобы после смерти парня он прикладывался к бутылке. Можно было подумать, что кофе действует на него похлеще китайского виски.

Пётр отвернулся.

Из-за приоткрытой двери в диспетчерскую слышался обеспокоенный голос Аллы. Лампа на потолке потрескивала и мерцала. Болела голова.

– А зачем, – не унимался Вик, – те пушка?

– На память.

– На чё, блядь?

Вик шумно выдохнул, осушил залпом стаканчик и тут же

скривился, прикрыв ладонью рот.

– Ты в порядке вообще? – спросил Пётр. – Выглядишь не очень.

– На себя посмотри! Бледный как, – Вик всё ещё тошнотворно кривился, – как ебучий мертвец!

– Ты принял что-то?

– Яду бы...

Вик повернулся к кофейному аппарату и стал водить по экрану пальцем. Напитки появлялись и исчезали – все в красивых фаянсовых чашках, с одинаковым, завивающимся в петельку, паром.

– Успокойся, – сказал Пётр, – кофе тебе не помогает. Постарайся себя в руки взять. Нам нормально надо выглядеть.

– Да я... – Вик оставил в покое аппарат. – Думаешь, блядь, одному те плохо бывает?

– Посиди. – Пётр показал на скамейку.

Вик – важно, вразвалку – подошёл к нему и ткнул его пальцем в грудь.

– А ты мне тут не указывай, блядь! Посидишь тут сам! Скоро мы вместе, блядь, – он усмехнулся, – посидим!

– Да пошёл ты!

– Чё! – Вик задиристо вскинул руки, но тут же успокоился и усталился себе под ноги.

– Садись! – рявкнул Пётр.

Вик плюхнулся рядом с ним и привалился к его плечу.

– Не, ты скажи, вот на хуя те пушка? Ты ей чё делаешь

вообще? Тёток пугаешь?

– Витя, – Пётр легонько оттолкнул его, но Вик едва не грохнулся со скамейки, – лучше ты мне скажи, Витя, а где бутылка?

– Чё? Бутылка? – Вик хохотнул. – Выпить хошь, да? – Он вновь придвинулся к Петру. – Так это не вопрос, чё. Щас Аллку зарядим, она, блядь, как метнётся...

Вик взмахнул рукой.

– Ты её чего, добил втихаря? – спросил Пётр.

– Кого? Аллку? – Вик картинно вытаращил глаза. – Да ты чё, блядь, охуел што ль совсем, товарищ хороший? Аллка тётка намальная, она вот ща вискарика нам...

Хлопнула дверь – Алла закрылась. Слушать пьяные вопли Вика и правда становилось невыносимо.

– Не, ну почему ты мне не сказал, чё у тя пушка есть? – снова заныл Вик. – Аллке сказал, а я? Я чё, блядь, те не друг што ле?

Пётр вздохнул и закрыл глаза.

Краевский – за глаза его все называли Краем – устало посмотрел на Петра.

– Вы знаете... – начал Пётр.

Край – невысокий, тощий, с запавшими глазами – был похож на больного раком. В тёплом, нагретом от старых потолочных ламп воздухе висела пыль.

– И что вы тут устроили?

– Слушайте, – Пётр заёрзал на стуле, – я бы хотел принести извинения за своего напарника. Всё-таки ситуация...

– Да какая на хер ситуация?!

Край подошёл к окну, как будто мог видеть что-то сквозь опущенные жалюзи. Тесная комнатка, в которой он устроил себе временный кабинет, когда-то выполняла роль второй диспетчерской или регистрационной, но потом – видимо, из-за сокращения штата – превратилась в импровизированный склад. У стен громоздились грязные пластиковые коробки. На столе, один на другом, валялись списанные терминалы. Единственный стул, на котором сидел Пётр, поскрипывал и шатался.

– Я всё же хотел бы извиниться, – заговорил Пётр. – Вик... Дело в том, что так, наверное, сказался стресс. Могу вас уверить, что там, на месте...

– На месте? – Край обернулся. – А что на месте? В отчёте

– пьяный бред! Стыдно читать!

– Ситуация и правда была нештатная. Мы постарались...

– Вижу, что постарались! Ладно, давайте ещё раз. Вик был за рулём? Он был пьян?

– Вик был за рулём, но на тот момент он был трезв, вёл себя адекватно. Именно он, кстати, этого парня и заметил. Было это примерно в два часа ночи...

– Примерно?

– В два часа, неподалёку от четвёртого кольца. Это всё указано в отчёте. По улице шёл молодой человек. Он ни на что не реагировал. Он нас как будто и не видел вовсе. Мы его остановили...

– Как?

– На самом деле я просто преградил ему дорогу, и он остановился. Я заметил, что у него шунт.

– Рентген мозга сделали?

– Нет, я увидел у него татуировку. – Пётр коснулся пальцем шеи. – Небольшой такой иероглиф. Его «рю» называют вроде. Кажется, означает идущего человека. Или входящего. Я не очень разбираюсь в этом. Но...

– Татуировка ни о чём не говорит!

– Да, согласен. Но Вик...

– Вик! Разумеется! – Край всплеснул руками. – Он же у нас главный специалист по шунтированию!

– Он сказал, что уже видел человека в таком состоянии раньше и...

Край зашёл Петру за спину и упёрся в спинку стула. Стул затрещал.

– Пётр, вы же разумный человек, у вас такой опыт работы. Я понимаю, случай нештатный. Но думаете, я приехал бы сюда, если бы речь шла о штатном случае?

– Но я...

– Ответьте, пожалуйста.

– Думаю, нет.

– Следовательно, – стул снова заскрипел, – этот ваш Виктор вряд ли мог наблюдать что-то подобное раньше.

– Я просто пересказываю, что произошло.

Край всё ещё стоял у Петра за спиной. Пётр повернулся, но Край тут же оставил в покое стул и отошёл к закрытому жалюзию окну. Казалось, он не хочет встречаться с ним взглядом.

– Так пересказывайте. – Край сцепил за спиной руки.

– Вик говорил, что с его бывшей супругой такое уже случилось. Я так понял, это бывает, если подключаешься к пиратской сети.

– Бывшей супругой? Это которая сошла с ума?

– В любом случае, – Пётр вытер вспотевшие ладони о куртку, – парень был невменяем. Мы решили его задержать, проводили в фургон...

– Каким образом? – Край блеснул глазами. – Он же был невменяем? Ни на что не реагировал?

– Вик просто, – Пётр изобразил, как обнимает кого-то за

плечо, – проводил его до фургона. Парень как бы слушался.

– Скажите, – Край опять расхаживал между заваленным старой техникой столом и окном, – Вик на тот момент был уже сильно пьян?

– Вик не был пьян. Все его действия...

– Сможете это подтвердить? Официально? Скажем, – Край щёлкнул узловатыми пальцами, – на разборе внутреннего расследования?

– Да без проблем. Уверен, что наши действия в той ситуации...

– Также, полагаю, вы сможете подтвердить, что по отношению к задержанному не применялось физического насилия?

– Вы о чём? В этом же вообще никакого...

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

– Насилие не применялось. – Пётр закашлялся.

Сердце молотило. Хотелось ненадолго выбраться из этой насквозь жёлтой, пропахшей пылью комнаты и промыть холодной водой лицо. Но выходить было нельзя.

– Более того, – продолжал Пётр как можно более спокойным голосом, – в этом не было абсолютно никакой необходимости. Задержанный не...

– Хорошо, хорошо! – Край махнул рукой. – Продолжайте. Итак, вы посадили его в фургон?

– Да, – кивнул Пётр. – Ситуация была не очень понятной. Дело в том, что в инструкции нет...

– Чего в инструкции нет? – Край наклонил голову. – Вы произвели задержание неизвестного, так?

– Да, произвели задержание неизвестного.

– Ключевое слово, – Край неприятно улыбнулся, и тонкую кожу на его впалых щеках прорезали глубокие морщины, – ключевое слово, – с наслаждением повторил он, – неизвестный. Что обычно делают при задержании?

Край стоял посреди комнаты, глядя на Петра.

– Что же вы? Отвечайте. Ваши варианты. Как там – по инструкции?

– Пытаются установить личность.

– Правильно! Только не пытаются, а устанавливают. Идентификационный чип же у него был, правда?

– Ситуация немного отличалась. Задержанный вёл себя очень странно. У меня возникли сомнения...

– Задержанные всегда ведут себя очень странно! – Вымученная улыбка Края напоминала судорогу лицевых мышц. – В противном случае мы бы их не задерживали!

Пётр собирался возразить, но Край остановил его взмахом руки.

– Нет, нет! Я знаю, что вы собираетесь сказать. Задержанный был невменяем. Я бы в этой ситуации предположил, что он находится, – Край сощурил глаза, – под веществами. Вы решили, что у него проблема с шунтом. Ну да бог с ним! Решили и решили. Дальнейшие ваши действия?

– С парнем что-то творилось...

Ухмыляющееся лицо Края внезапно задрожало и расплылось. Пётр потёр глаза.

– В другой ситуации, – продолжал он через внезапно начавшуюся одышку, – мы бы, конечно, установили его личность. В другой ситуации... – Пётр представил на секунду залитое кровью лицо парня. – Но я решил вначале проверить пульс. А Вик...

– Да, – закивал Край, – я в курсе. Вы произвели задержание, а потом не могли определиться – жив ли задержанный. Вы вообще знаете, что ваш приятель нёс диспетчеру? Говорит, не можем понять, кого задержали. Может, это труп ходячий. Скажите... – Край снова зашёл Петру за спину. – Скажите, вы любите фильмы про зомби?

– Так мы никуда не продвинемся, – вздохнул Пётр.

– Что?

– Так мы никуда не продвинемся. Я пытаюсь вам объяснить ситуацию. Мы не были уверены, что задержанного можно транспортировать. Да и фургон наш для этого не оборудован. Вы их вообще видели, эти фургоны? Ни ремней, ничего. Труповозка. А пока Вик связывался с диспетчерской, у задержанного случился приступ, и он...

– Кстати, – за спиной у Петра послышались шаги Края, – запись разговора Вика с диспетчером сохранилась. И абсолютно очевидно, что трезвый человек так разговаривать не будет.

– Может, он и глотнул там чего, – сдался Пётр. – Я за ним

не слежу. Я ему не нянька.

Край подошёл к окну, приподнял двумя пальцами одну из полосок жалюзей и разочарованно качнул головой, как будто ожидал увидеть что-то, кроме темноты и зависшего над городом смога.

– А вы сами тоже капли в рот не брали, ведь так?

Пётр молчал. Край усмехнулся.

– Конечно. Вы же опытный человек, вряд ли вы бы стали пить на дежурстве. Думаю, нет смысла проводить проверку?

– Проводите, если хотите, – буркнул Пётр.

Край несколько раз кивнул, вытащил сигарету, помял её тонкими крючковатыми пальцами и неторопливо, прищурив один глаз, закурил.

– На самом деле вы правы. – Он выпустил из ноздрей дым. – Так мы никуда не продвинемся. У меня нет задачи устанавливать степень вашего опьянения. Нам этого ещё не хватало.

– А чего мы могли сделать? У паренька начался приступ, пошла кровь из глаз и – всё. Он...

– И всё, да. Вот только через несколько часов, – Край показал сигаретой на окно, – эти уроды, как их там, Чен-Сьян Электроникс, будут рвать меня на части. А по вашему отчёту следует, что человека убил шунт. Если же ещё вспомнить тот замечательный случай с мёртвой девкой, которой ваш приятель Вик спалил мозг палкой...

Край не договорил. Его лицо в клубах тяжёлого дыма

вновь стало расплываться, как изображение на экране.

– Вы хотите, чтобы я переписал отчёт? – спросил Пётр.

Край облизнул губы, покосился на сигарету, на которой уже вырос слой неровного серого пепла, дунул на неё, и пепел разлетелся над столом.

– У меня нет задачи выгораживать Чен-Сьян. К сожалению, задачи выгораживать вас у меня тоже нет. Поэтому я задам вам ещё один вопрос, простой вопрос. – Край уставился на Петра тяжёлым взглядом. – В ваших же интересах сказать мне правду. Вика здесь нет.

Край медленно затянулся, выдерживая паузу.

– Виктор использовал палку?

Алла сидела в коридоре, напротив кофейного автомата. Она обнимала ладонями пластиковый стаканчик с кофе, но пара уже не было, коричневатая пенка сошла, и кофе превратился в холодную чёрную жижу, похожую на отработанное масло. Алла, судя по всему, не сделала ни глотка.

– Ты всё? – спросил Пётр.

Алла улыбнулась и кивнула.

– Давно уж. Долго тебя там промариновали. – Она сделала глоток, поморщилась и поставила стаканчик на скамейку. – Проводишь до трубы?

Они молча вышли из отделения. Хлопнула за спиной тяжёлая дверь, Пётр вздрогнул.

На улице светало.

Солнце скрывала плотная пелена облаков, и казалось, что над домами происходит химическая реакция пара, света и снега. Рваные истошно-жёлтые полосы перетекали в густо-оранжевый, а затем и в багровый, который отражался в затемнённых окнах муниципальных домов.

Со стороны восхода налетел резкий колючий ветер, и Алла подняла меховой воротник искусственной шубки. Петра холод не беспокоил. После духоты в отделении, когда в лёгких оседала свинцовая пыль, дышать на улице было приятно до головокружения.

Алле явно не терпелось о чём-то спросить. Несколько раз она резко вздыхала, но так и не решилась начать разговор. Когда здание отделения скрылось за поворотом, Пётр сказал, глядя в сторону, ни к кому обращаясь:

– Безумный день!

И Алла схватила его за плечо.

– Что теперь будет-то? Виктора сняли со всех смен! Я думала, и тебя...

– Меня тоже снимут. А вот чего дальше – неясно.

– Виктор – полный кретин! Как так можно! Когда он успел-то? Нормальные вроде приехали.

– Я и сам не знаю, когда успел. Вообще впервые его таким видел. Он приложился несколько раз, конечно, но не так уж и много выпил.

– И что теперь?

Они остановились на светофоре – по привычке, ведь машин не было. Петру захотелось сказать что-то воодушевляющее. Но он не смог придумать что.

– Не знаю. – Он покачал головой. – Они по ходу хотят всё на Вика свалить.

– Как? – Алла отпустила его руку.

– Да как-как...

Пётр, не дожидаясь, пока загорится зелёный, зашагал на другую сторону улицы. Алла заспешила за ним.

– Паренёк был жив, – сказал Пётр. – Вик по пьяни решил его палкой приложить. Непредумышленное убийство. У них

всё отлично сходится. И ещё та девчонка с шунтом, которой мы мозги спалили...

– Но ведь это, – Алла догнала Петра, часто вздыхая от волнения, – не правда?

Она замолчала, ожидая ответа.

– Конечно, неправда! Я сказал, что таких показаний давать не буду. Поэтому и меня наверняка отстранят.

– Так и что теперь делать?

– А что теперь делать? – нахмурился Пётр. – Чего тут вообще можно сделать?

Киоск с переливающейся трёхцветной вывеской работал. Пётр взял бутылку подешевле и, сунув её в карман куртки, зашагал по направлению к дому, придерживая локтем, чтобы та не выпала из кармана.

За спиной послышались вопли сирены.

Пётр обернулся и увидел фургон – такой же, как у них с Виком. Фургон пронёсся по пустой дороге, нервно притормозил у перекрёстка, засвистел шинами и повернул, опасно завалившись на бок. На секунду Пётр представил, что это он сейчас сидит в том фургоне, Вик за рулём, они включили давно отказавшую сирену и несутся в отделение, чтобы доставить выжившего – единственного живого человека, которого они нашли за кольцом.

Пётр усмехнулся, поправил в кармане бутылку и – пошёл домой.

Пить он не собирался. Киоск с трёхцветной вывеской был неподалеку от трубы, и он заглянул туда по привычке, купить чего-нибудь впрок. Но дома, раздевшись – снова начали топить, – он присел на кухоньке, открыл пищевой брикет и плеснул немного водки в стакан.

– Эх, Вик... – пробормотал Пётр и посмотрел в окно, на серый замёрзший город.

Казалось, вопль полицейской сирены ещё доносится из

глубины улицы, как эхо.

– Вик! – Пётр выдохнул и осушил стакан. – Ты – мудака!

И тут же подумал, что, если бы Вик не устроил пьяное представление в отделении, разговор с Краем всё равно бы состоялся.

Ничего нельзя было изменить.

Пётр налил ещё, но пить не торопился. Он принёс из гостиной дзынь и положил его рядом с бутылкой. Дзынь теперь напоминал пыточное устройство, которое используют на допросах, чтобы выбивать из задержанных показания.

– Вик, Вик... – повторил Пётр, глядя в стакан.

Он снова выпил водку залпом и откинулся на спинку стула. Китайское пойло напрямик попало в жилы и разошлось огнём по всему телу. Пётр подумал, что может сидеть на тесной кухоньке до скончания времён. Бутылка никогда не закончится, восполняясь из ничего, как в виртуальной реальности, его никто не побеспокоит, его не станут искать, когда он не придёт на смену – ведь все его смены скоро отменят. Он нужен не больше, чем те трупы, которые они запаковывают в чёрные пластиковые мешки.

Пётр надел дзынь и, уже включив его – всё мгновенно покрасилось синим, – вспомнил о кристалле. Вышел в гостиную, но нашёл только стакан с остывшей водой. Он искал кристалл и в спальне, и на кухне, и даже в маленькой комнате, куда обычно не заходил, потому что там пахло, как в квартирах, где кто-то недавно умер.

Наконец, вернувшись на кухню, Пётр свалился на заскрипевший стул, налил водки и – вздрогнул, точно его прошил электрический разряд. Валяющийся на столе дзынь работал. Включённое забрало отбрасывало на гранёную бутылку неровную синюю тень. Пётр раскрыл руку и уставился на кристалл, который всё это время лежал у него в ладони. Маленький камень, похожий на окаменевшую личинку.

На сей раз Пётр нагрел воду сильнее. Микроволновка работала в режиме гриля – это показалось ему забавным, и он даже хохотнул, отпив горькой, как микстура, китайской водки. Раздался звонок. Пётр поставил стакан с горячей водой на стол, бросил в него кристалл и нацепил дзынь.

Через несколько секунд рядом с ним появилась темно-волосая девушка. Синдзу стояла у плиты, повернувшись к нему спиной – так, словно собиралась приготовить что-то на ужин.

– Синдзу! – позвал Пётр.

Она обернулась и, облокотившись на варочную панель, улыбнулась Петру.

– Я тебя знаю! Я тебя знаю! Ты...

– Я – другой, я – не такой! – Пётр плеснул себе ещё водки. – Всё это уже было! Мне нужно задать тебе вопрос. Один долбаный вопрос! Ты сможешь ответить?

– Конечно!

Синдзу наклонилась к Петру. Лицо её было так близко, что он мог бы почувствовать её дыхание – если бы она ды-

шала.

– Я люблю отвечать на вопросы!

– Тогда... – Пётр невольно отодвинулся от призрака. –

Расскажи мне, что такое трёхцветная радуга.

Клуб находился внутри третьего кольца, и ехать туда на трубе нужно было с четырьмя пересадками. Пётр проснулся в полдень, принял душ и выпил стакан водки на дорожку в надежде, что это избавит его от мигрени и тошноты, однако ему стало только хуже. Он думал остаться, но спать он уже не мог, а сидеть в духоте, в компании с пустой бутылкой, было невыносимо.

До станции трубы Пётр плёлся, как зомби. Медленно переставлял ноги, точно боялся поскользнулся. Каждый шаг давался ему с трудом. Казалось, в голове сейчас что-то разорвётся, и раскалённая тёмная кровь брызнет из глаз.

Пётр сделал крюк, заглянул в магазинчик с цветной вывеской, купил банку лёгкого пива и выпил её – судорожными, быстрыми глотками, – прислонившись спиной к стене киоска. Над головой у него мерцала трёхцветная радуга.

После пива ему полегчало, но когда он спускался в трубу, то понял, что совершенно пьян.

Станция, похожая на залитый бетоном котлован, была оглушительно пуста. Пахло плесенью и мочой, половина ламп не горела. От давящего на грудь смрада кружилась голова. Пётр привалился к выщербленной колонне, где поверх грязевых разводов и трещин был намалёван красной краской кривой, разбитый припадком иероглиф.

Одно пиво. Пара глотков водки. И он не стоял на ногах.

Из чёрного туннеля потянуло горячим воздухом, бившем в лицо, как отработанный газ из дюз. Пётр побрёл к перрону, будто и правда ждал прибытия огромного корабля, который увёз бы его подземными течениями подальше от дома, от города, от всего, что он знал.

Сначала он перепутал линию, потом вышел не на той станции. От гулкового воя в поездах закладывало уши. Он был как после контузии. Ближе к центральным районам в вагон набились люди – холодные и бесполое, как куклы для демонстрации нарядов в стиле унисекс. Все оделись в бесформенные дутые куртки, словно в трубе запрещалось носить другую одежду. У многих были шунты – Пётр видел это по глазам, по мёртвому отсутствующему взгляду.

Когда он выбрался из трубы, начинало темнеть. Он встал под столбом с продетыми одно в другое, как в детском фокусе, неоновыми кольцами, которые подсвечивали спуск на станцию. Одно кольцо потрескивало и мигало. Пётр закурил. Ветер нёс в лицо серый снег, и Пётр отвернулся, спрятав сигарету в ладони.

Адрес клуба он нашёл быстро, но долго не мог понять, где находится вход. В итоге оказалось, что нужно зайти во двор – тёмный, как во время перебоев в энергосети, – и спуститься по лестнице в подвал. У входа Петра встретил лысеющий парень с редкой бородкой – высокий, но худой, как после болезни, – и Пётр даже не сразу сообразил, что тот работает

здесь вышибалой.

– Дверью ошибся, папаша?

– «Трёхцветная радуга»? – уточнил Пётр.

– «Радуга», «Радуга». – Парень похлопал его по спине так, словно помогал прокашляться. – Только тебе, папаша, не сюда. Там рюмочная вниз по улице. Остаканишься так, что...

– Эска! – хмуро перебил его Пётр и показал удостоверение.

Парень хмыкнул, пожал плечами и отступил в сторону. Пётр прошёл в широкий бетонный зал.

– Давай! – крикнул вышибала ему в спину. – Оттянись там хорошенько, эска!

В зале было темно. С потолка свешивалось несколько круглых ламп, как на станциях в трубе, а также огромный, похожий на лучевую пушку прожектор, но заправили, похоже, сэкономили электричество, и света едва хватало на то, чтобы очертить в сумраке прямоугольную площадку по центру – видимо, танцпол с затоптанным синим полом. Столики у стен тонули в темноте. Поначалу Пётр решил, что в клубе никого нет, и лишь потём заметил несколько одиноких фигур за барной стойкой.

– Вам чем-то помочь? – послышался женский голос.

Рядом с Петром возникла тощая официантка в тёмной обтягивающей одежде.

– Да, – сказал он, – я ищу девушку. Она...

Официантка нахмурилась и отвернулась.

– Это не ко мне! – бросила она через плечо и быстро зашагала к следующему по очереди клиенту.

Пётр подошёл к бару. Бармен, бородатый и полный, с покрасневшимся от духоты лицом, был первым, кто походил здесь на живого человека.

– Чего налить? – Бармен улыбнулся, демонстрируя неровные, пожелтевшие от никотина зубы.

– Я ищу девушку... – снова начал Пётр.

– Вы выбрали правильное место!

Пётр раздражённо сунул бармену под нос удостоверение.

– О! – Бармен с наигранным испугом вытаращил глаза. – Какие люди! – и добавил тише, перегнувшись через стойку: – Будет рейд, да?

– Хватит кривляться! Я провожу расследование. Ищу девушку... – Пётр полез в карман за снимком, который выпросил у Аллы, – девушку, лет двадцати. Она...

– Здесь иногда бывают такие девушки.

– По нашим сведениям она часто ходила в это заведение. Блондинка, среднего роста, худощавого телосложения, красивая, соломенные волосы до плеч.

– Ага, ничего так!

Пётр лихорадочно проверял карманы.

– У неё есть шунт. И татуировка под ухом.

За стойкой захохотали.

– Ты, мужик, прикальываешься, да? – прыснул бармен. – Девушка с шунтом? Двадцать лет? Тут таких не бывает, не!

– Я провожу расследование, – Пётр опёрся о барную стойку, – и советовал бы вам...

– Не знал, что эска проводит расследования, – продолжал кривляться бармен. – Вы же только жмуриков на улицах подбираете?

– Слушай, ты!

Пётр схватил бармена за куртку, но тот лениво отпихнул его одной рукой.

Снова смех.

– Хватить паясничать! А то настоящую полицию вызовем, эскашник!

Пётр продолжал искать снимок – хотя проверил всё уже по несколько раз. Пальцы у него тряслись.

– Тебе бы глотнуть чего, – внезапно подобрел бармен. – А там, глядишь, и девушка найдётся. Так обычно и бывает.

Пётр постоял несколько секунд – руки в карманах, – и залез на стул у барной стойки.

– Водка есть? – спросил он.

– Водки нет! – радостно объявил бармен. – Тут коктейльный бар! Коктейли, понимаешь? Тебе какой – «Розовую усладу» или «Секс на пляже»? Первый налью за счёт заведения, раз уж мы с тобой успели подружиться.

– А есть чего-нибудь без розовых соплей?

– «Смерть под проводом»! Клёвый шотик. Три слоя, и все смертельные! Как по мне, ты откинешься сразу же, даже платить не придётся.

– Давай!

Пётр вздохнул и попытался унять дрожь в руках.

– Что за девушка-то? – спросил бармен, наливая в водочную рюмку что-то зелёное и густое, как сахарный сироп. – Фотка хоть есть? А то ты прям так её расписал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.